

Лжедмитрий. Новая заря

Автор:

Михаил Ланцов

Лжедмитрий. Новая заря

Михаил Алексеевич Ланцов

Героическая фантастика Лжедмитрий #2

Наш современник, провалившийся в прошлое за несколько лет до Смутного времени, вынужден занять престол Русского царства – ведь после смерти Бориса Годунова место вакантно, а местные жители дружно принимают его за сына Ивана Грозного.

Но мало занять трон, нужно на нем удержаться! В этом Дмитрию Ивановичу помогают преданные легионеры из созданной им армии "Нового строя" и верная жена – Марина Мнишек.

Реформы, ведущие к кардинальному преобразованию страны, наталкиваются на сильное противодействие, как внешнее, так и внутреннее.

Но молодому царю не привыкать к трудностям! Штыками и картечью он проложит путь в светлое будущее для своего народа!

Лжедмитрий? Да. Но это совсем другой Лжедмитрий...

Михаил Ланцов

Лжедмитрий. Новая заря

© Ланцов М. А., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Предисловие

Наш современник Дмитрий Иванович, участвовавший в маневрах военно-исторических реконструкторов, волею судьбы был заброшен в самое начало XVII века. И там сразу же вовлечен в водоворот зарождающейся Смуты, потому что удивительным образом оказался похож на Ивана Васильевича Грозного и вполне подходил по возрасту на роль приснопамятного царевича Дмитрия. Того самого, якобы погибшего в Угличе в отроческом возрасте из-за неудачной игры в ножички во время приступа эпилепсии.

Не желая вступать на опасную стезю борьбы за царский трон, наш герой избирает линию поведения, направленную на максимальное снижение потрясений. Мало того – всячески отрешивается от своих прав на престол. Однако, что бы он ни делал, окружающие только сильнее убеждаются: он настоящий царевич Дмитрий. В конечном счете это приводит к его сближению с Борисом Годуновым, который планирует отдать за него свою дочь для укрепления положения. Но буквально накануне свадьбы Ксения погибает от яда, подсыпанного родным братом, увидевшим в Дмитриии явного конкурента на роль наследника царя.

Пытаясь заняться делом, Дмитрий, прекрасно образованный даже по меркам XXI века, начинает подготовку собственного военного подразделения. В качестве примера для подражания используется испанская терция – единственный вариант боевого строя, подходящий под материальные возможности 1603–1605 годов. Дмитрий вводит практику системной физической и боевой подготовки, совершенно чуждой Руси до того (да и миру, по сути). Именно в таком порядке – сначала физической, а потом боевой. Марш-броски, турник, брусья, полоса препятствий были основой укрепления его войска. А сверху это шлифовалось крайне энергичной строевой подготовкой, без которой любые устойчивые построения на поле боя были невозможны, и особенно их эволюции.

В 1605 году начинается Смоленская война. Сигизмунд III Ваза стремится посадить в Москве свою марионетку – царевича Василия, который на самом деле являлся сыном опальной жены Ивана Грозного Анны Колтовской, нагулявшей его на стороне – от окольного. За что ее царь и «забрил» в монахини насильно. Деньги на войну Сигизмунду выделил Сейм, рассчитывающий на присоединение Смоленска к Речи Посполитой, и клан Мнишек, желающий сделать женой новоявленного царя Василия дочь их лидера – Ежи. Ту самую Марину Мнишек. Клан Мнишек был крайне влиятелен, но худороден. Он фактически контролировал все крупные города Великой Польши и держал в своих руках огромные финансовые потоки.

Выступив к Смоленску, Дмитрий со своей терцией в трех сражениях разгромил армию Сигизмунда, обратив ее в бегство. Захватил походную казну, богатые трофеи, а также пленил Василия и Марину. И оказалось, что Марина удивительным образом напоминает героиню компьютерных игр о Ведьмаке – чародейку Йеннифэр из Венгерберга. И не только внешностью, но и характером. На фоне местных жирных и покладистых эталонов красоты она Дмитрию показалась если не богиней, то чем-то подобным. Впрочем, все окружающие не считали ее красивой и не понимали, что в ней нашел царевич. Ведьма ведьмой же.

В это время в Москве Иван Шуйский поднимает мятеж против Бориса Годунова, стремясь занять престол. Это мог бы сделать и Василий, однако тот в это время находится в Испании, куда его с посольством отослал Борис по совету Дмитрия. Царевич вынужден отказаться от своих планов похода в Литву, спешно заключает с Сигизмундом мир и идет на Москву. На подступах разбивает войско сторонников Шуйских и, войдя в город, берет Кремль, вырезая всех бунтовщиков. А когда заканчивает, то оказывается единственным претендентом на престол. И это несмотря на то, что ему он даром не нужен. Он вообще во все это изначально вляпываться не хотел.

Тащить бремя монарха ему не хочется, а допускать избрание кого-то другого он считает смертельно опасным для себя – убьют. Поэтому Дмитрий созывает Земский собор и устраивает на нем грандиозную провокацию. Цель проста – сорвать выборы царя и провести государственный переворот, дабы установить в державе республиканское правление.

Но провокация не удалась. Вернее, депутаты Собора приняли все провокационные требования царевича, и 12 августа 1605 года его единогласно избрали царем – Дмитрием Первым. Это победа? Успех? Может быть. Но только не для него.

Сесть на Московский престол – не значит на нем усидеть...

Пролог

14 декабря 1605 года, Москва

Грановитую палату едва успели наспех отремонтировать после боя, что произошел здесь весной. От английского посла последствия не укрылись. Впрочем, на оживленности приемного покоя его неказистый вид никак не сказался.

Масса людей. Тихие перешептывания, словно шелест, ползли по залу.

Бум!

Гулкий удар посоха заставил всех заткнуться и повернуться к входу в палату.

– Божией милостью Великий государь... – зычно прогудел густой, сочный голос, перечисляя весь гигантский титул Дмитрия. Он царю не нравился. Слишком в нем много бардака и бессмысленности. До раздражения. А еще глупости и обмана. Ну, какое из Казанского или Астраханского ханства царство? Они едва на княжество захудало тянут... да и тянули. Но ничего, он потерпит. Пока потерпит. Реформы ведь на подходе...

Мгновение.

И небольшой оркестр начинает играть «Царский марш». То есть не что иное, как знаменитый «Имперский марш» из франшизы «Звездные войны»[1 - Послушать,

как звучит Имперский марш, можно здесь – <https://www.youtube.com/watch?v=qRI955IDWrs>]. Довольно странная и необычная мелодия для начала XVII века. Что в те годы было модно? Либо лирика, либо нечто сентиментальное и духовное, либо кабацкие фривольности. А тут такая вещь! Тем более что с помощью барабанов, труб, флейт и балалаек ее получилось очень годно исполнить. Грянуть, так сказать, во всю мощь межзвездного пафоса.

Секунда. Вторая. Третья.

Англичане ошалели.

А Дмитрий начал движение, входя в зал и направляясь к своему трону.

Эту моду входить последним ему пришлось вводить одновременно с музыкальным сопровождением. Он не хотел становиться царем, но если уж вляпался в это скорбное дело, то почему бы не развлечься? Когда еще можно будет прикинуться Дарт Вейдером местного разлива?

Высокий, поджарый и неплохо подкачанный, он был облачен в черные китель и галифе, украшенные серебряными пуговицами, шнурами и шитьем. Добротнo начищенные кожаные черные сапоги с толстой, крепко подбитой железом подошвой. Чтобы каждый шаг чеканился. На левом боку шпага. На правом – дага и «ковбойская» кобура под легкий пистолет с колесцовым замком. Через левое плечо перекинута облегченная и укороченная мантия кроваво-красного цвета, подбитая и отороченная соболиным мехом, да с красивым витым шнурком, удерживающим ее на теле. Аккуратная, изящная корона на чисто выбритой голове. Холодный взгляд внимательных, цепких голубых глаз. Плотнo сжатые полные губы с выражением легкой брезгливости. Ухоженные сросшиеся бакенбарды в стиле «Росомаха», только из темно-рыжих, вьющихся волос...

Иными словами – Дмитрий походил своим обликом на традиционного русского царя не больше, чем слон на буратино. Однако же он мог себе позволить такое юродство и издевательство по отношению к традициям. Земский собор, избирая его, был вынужден дать наставление «реформировать и модернизировать» державу. Вот царь и начал с удобных и приятных для него вещей. Терпеть волосы на губах он не желал, не гигиенично, не удобно... да и вообще – не в его вкусе. Он и баки-то оставил только из любви местных к волосам на нижней части

«скворечника». Так-то он и от этого бы избавился. Волосы на голове ему вообще были не по душе, а форма черепа и лица вполне располагали к стилю Котовского.

За ним в помещение вошло четыре преторианца.

Личной безопасностью этот вариант Лжедмитрия занимался очень вдумчиво. Вот и организовал специальное подразделение войск, куда отбирал наиболее лично преданных. Вид у них был тоже довольно необычен. Кроваво-красный полукафтан и галифе в белой оторочке и с серебряными приборами. Черные сапоги. Кираса, наплечники и шлем бургиньот из стандартного комплекта тяжелых пикинеров, только черненые. Лишь на груди у каждого изображался белый единорог – символ Дмитрия. Лица скрывались кожаной полумаской с весьма суровым выражением в духе японских мэмпо.

Двое из них держали в руках по мушкетону с колесцовым замком[2 - Мушкетон представлял собой карабин с довольно коротким стволом большого калибра. Стрелял картечью на небольшое расстояние. Применялся для боя накоротке: зачистка помещений, abordаж, штурм укреплений.], двое – по карабину. На поясе у всех легкие пистолеты в такой же, как и у царя, «ковбойской» кобуре. Плюс шпага и дага. Весьма внушительно, особенно по меркам Москвы. И вот такие ребята следовали за царем повсеместно, охраняя его днем и ночью. Посменно, разумеется.

Дмитрий максимально спокойно прошествовал через толпу придворных пауков и гостей столичного террариума. Он был уверен: если хоть кто-то дернется угрожающе – будет убит на месте. О чем всех и предупреждали заранее. Оставалось только придумать, как уберечься от самих преторианцев в случае чего, но это могло подождать. Как говорила Коко Шанель, об этом он подумает завтра.

Степенно сел на трон. Словно кот на лоток с наполнителем.

Тем временем преторианцы заняли позиции возле него, прикрыв по всем направлениям.

Он взглянул на английских послов и поморщился.

Приглашающий жест.

И изрядно взволнованный посол Англии приближается. Ледяной взгляд голубых глаз явно недовольного царя и эти жутковатые преторианцы вызывают страх. Это местные уже немного привыкли к таким чудачествам и манерам. И даже, судя по лицам, рады производимому на иностранцев эффекту. А ему пока крайне неловко. Посол был в курсе того, насколько безжалостно царь расправился с Шуйскими и их сторонниками. Это пугало и вызывало уважение. Опасный человек. Таких не любят попусту беспокоить и раздражать.

Шел пятый месяц царствования Дмитрия Ивановича и третий год жизни в этой эпохе. Такой насыщенной. Такой кровавой.

Часть 1

Тихая революция

Прогресс – навроде стада свиней. Так и надо на этот прогресс смотреть, так его и следует расценивать. Как стадо свиней, бродящих по гумну и двору. Факт существования стада приносит сельскому хозяйству выгоду. Есть рульки, есть солонина, есть холодец с хреном. Словом – польза! А посему нечего нос воротить потому, мол, что всюду насрано.

Ярлен Зигрин

Глава 1

2 февраля 1606 года, Москва

Дмитрий сидел за столом в своем кабинете и ковырялся в бумагах, пытаясь понять, как освоить тот подарок, что преподнесли ему англичане. Они не придумали ничего лучше, чем привести в Ивангород весь свой пиратский

неликвид. Рабов то есть, набранных с захваченных испанских, португальских и французских кораблей. А заодно ирландцев, осужденных на рабство за те или иные прегрешения. То же бродяжничество, к слову.

Дорого ли им это стало? Да не очень. В Новом Свете белые рабы худо-бедно продавались, но стоили в несколько раз дешевле черных из-за низкой выносливости. Так что на фоне выставленного англичанам долга их подача в формате трех кораблей, груженных такими людьми, выглядела очень скромно и бедно. Тем более что действительно дельных мастеров среди них не было. Все шли либо как подмастерья, либо вообще как ученики. Кое-чему научены, да и только. Но Дмитрия это вполне устроило. При общем и остром дефиците любых более-менее вменяемых «рабочих рук» это был праздник. Конечно, ребят категории «принеси-подай» он мог найти в товарных количествах. А вот все, что выше этой отметки, уже являлось практически штучным товаром. Особенно в регионах.

Когда их таки доставили в Москву – на них было жалко смотреть: все стоят, кутаются на морозе в изрядно поношенную одежду «не по погоде», пытаюсь хоть чуть-чуть согреться. Глаза голодные и измученные.

В тот момент он пожалел, что распорядился снять арест с имущества Московской компании и выпустить заложников. Нет, конечно, никаких монопольных прав англичане больше не имели. Однако в их непростой ситуации – и это выигрыш. Им требовались стратегически важные товары для флота, а царство Дмитрия было одним из очень немногих поставщиков. Пока, по крайней мере. Но что сделано, то сделано. Поэтому царь приказал всех пригнанных отмыть в бане, тщательно прогреть. Накормить. Тепло одеть. Разместить, поставив на довольствие. И опросить – кто что умеет.

Тут-то и пригодился Хосе с теми ребятами, что стояли с Дмитрием плечом к плечу тогда, в 1603 году, на подворье Московской компании. Он их не забыл. И когда сам устроился – подтянул за собой. Нельзя забывать помощь, пусть и корыстную. Ее всегда нужно награждать и привечать... Вот эти ребята и заделались порученцами. Прошли – опросили, кто чего умеет, да ведомость составили, которую Дмитрий сейчас и изучал, пытаюсь понять, что со всем этим зоопарком делать.

– Государь, – постучавшись, заглянул дежурный.

- Слушаю.

- К тебе графиня Мнишек с отцом на прием просятся вне очереди.

- С отцом? Хм. Он при оружии?

- На виду только шпага.

- Пусть сдаст. А потом приглашай.

Минута ожидания. Сдавленная ругань за дверью. Легкий стук. И вот слегка взъерошенный дежурный пропускает Ежи Мнишека[3 - Ежи Мнишек (1548-1613) - граф, крупный польский государственный деятель, сын Николая Мнишека - дворянина, вышедшего из Тешинской Силезии. К 1600 году клан графов Мнишек контролировал практически все крупные города Великой и Малой Польши. Чтобы лучше понять его положение, достаточно представить, что Юрий Лужков сидит в Москве на посту мэра, а во всех остальных крупных городах России этот пост занимают его братья, дети, племянники, зятья и прочие родичи. Какова будет его власть? Формально небольшой. Фактически - настолько огромной, что ни один президент не сможет ничего с ним сделать. Примерно в таком положении и находился клан Мнишек. Нетрудно предположить, что, имея фактическую власть, они стремились ее оформить во что-то более формальное. Например, в царскую корону...] - крепкого мужчину с сердитым лицом и густой окладистой бородой, черной, как воронье крыло. За ним следом вошла Марина с какой-то мягкой, блуждающей улыбкой на губах.

- Государь, - произнес и довольно глубоко поклонился граф, стараясь выразить почтение. А Дмитрий всего по одному жесту осознал: эта «сердитость» просто черты лица, а не какое-то выражение эмоций. Удобное свойство для начальника.

- Проходите, присаживайтесь.

Граф кивнул, оглянулся и расположился на самом «козырном» месте в кабинете. После занятого Дмитрием «плацдарма», разумеется. Мария недовольно поморщилась, но промолчала. Потому как обычно там садилась она. Впрочем, перечить отцу она не стала. Не при свидетелях во всяком случае.

– Полагаю, ты не просто так гоняла своего отца и на то есть веские причины? – обратился царь к Марине.

– Ее голова, – ответил Ежи. – На мой взгляд, вполне веская причина. Она рассказала мне о том, какую сделку заключила с тобой.

– И тебе не по душе мой подход?

– Конечно! Прогнал бы, и все!

– Что значит – прогнал бы? Я ей предложил возможность уйти, если она не пожелает участвовать. Что? Она про это не рассказала? Милая, ну как ты могла? Папа же нервничает.

– Так ты сама согласилась рискнуть головой?! – чуть ли не закричал граф, привставая.

Дверь распахнулась, и в нее влетели два преторианца с обнаженными клинками и пистолетами в руках. Шум – источник тревоги. Они отработали штатно. Дмитрий жестом их остановил, и бойцы, поклонившись, вышли. Угрозы нет, но даже демонстрация готовности ее отразить – хорошая вещь.

– Да, отец, – проводя взглядом преторианцев, ответила Марина. – Он предложил мне просто уехать домой. Без выкупа. Потому что не посмел бы взять его за меня. Еще и сопровождающих дал бы. Но я пойти на это не смогла. Уж лучше остаться без головы, чем потерять такой шанс.

– Шанс? – криво усмехнулся граф.

– Да, шанс. Он, пожалуй, единственный из всех известных мне аристократов, которому нравлюсь я, а не ты и твое влияние. Впервые. А тот факт, что я могу стать царицей, – просто приятное дополнение.

– Давайте обойдемся без эмоций, – произнес Дмитрий, стремясь прервать явно старый спор. Тем более что он не доверял словам Марины. Совершенно очевидно, что она могла сыграть на его чувствах, согласно заранее продуманному плану. – Да, Марина меня сильно привлекает. Но сейчас, я

полагаю, речь пойдет о других вещах?

– Да, – произнес граф, не сводя испепеляющего взгляда с дочери. – Когда я увидел тот листок, что ты издал по случаю венчания на царство, то немало задумался. На престоле Польши и Литвы сейчас сидит Ваза. Что мало кому нравится, особенно из-за иезуитов, кружащих вокруг него. Ты знаешь – у нас сложная обстановка. Протестанты, католики, православные, и все тянут в свою сторону. А он уже в Швеции отличился, да так, что прогнали. И у нас допрыгается – тоже прогоним.

– Сигизмунд опирается на прямую поддержку Папы. Поэтому подле него всегда будут иезуиты и верные католики.

– Не все... уже не все. Поражение под Смоленском подорвало его положение. Он снова сидит без денег и пытается переговорами и пустыми обещаниями хоть чего-то добиться.

– Мне говорили, что он едва смог сбежать.

– Так и есть. Если бы не тот француз со своими рейтарами – ты бы его в плен и взял или убил.

– Хорошо, – кивнул Дмитрий. – Ты начал говорить про листок, в котором я описал кратко свою родословную. Что тебя в ней заинтересовало настолько, что ты приехал сюда, в Москву?

– Если ты возьмешь мою дочь в жены и сделаешь царицей, то я и все мои родичи будем отстаивать твои интересы на выборах в Сейме, – максимально торжественно произнес Ежи Мнишек. Дмитрий промолчал, обдумывая, а граф продолжил: – Мы контролируем все крупные города Великой Польши и значительную часть Малой. В Литве есть кое-какие связи, но не так чтобы и большие. Поэтому победу гарантировать наверняка не сможем. Впрочем, в тебе течет кровь и Рюриковичей, и Гедиминовичей[4 - Матерью Василия II Васильевича «Темного» была Софья Витовтовна – единственная дочь Великого князя Литовского Витовта из дома Гедиминовичей. Василий II приходился Дмитрию прапрадедом.], поэтому Литва к тебе может очень благосклонно отнестись. Если бы в свое время твой отец не юродствовал, то и его бы избрали. Он выглядел вполне подходящей компромиссной фигурой между партиями

Валуа и Габсбургов.

- Ежи, - наконец произнес Дмитрий. - Почему ты считаешь, что я вообще хочу принимать корону Польши и Литвы? Не знаю, говорила тебе дочь или нет, но я и от Московской короны отбивался как мог. Мне не интересна власть сама по себе. Она меня гнетет и удручает.

- Говорила, - кивнул граф.

- И она тебе говорила, что я считаю Речь Посполитую безумным балаганом?

- Говорила. - В этот раз Ежи уже улыбнулся.

- Тогда почему ты предлагаешь мне то, что мне не хочется брать? Это, по меньшей мере, странно. Что выиграет твой род - понятно. Сильный станет сильнее. Но что выиграю я? Марину? Да, я желал бы ею обладать. Но не такой ценой. Кроме того, это станет ее поражением в нашем пари.

- Ты ведь тяготишься войнами? Я прав?

- В какой-то мере, - кивнул Дмитрий. - Но полагаю, что они неизбежны. Неразрешимые конфликты интересов нужно как-то решать. К чему ты клонишь? Что, дескать, приняв корону, я смогу умиротворить свои западные границы? Не думаю. Разве на границах Речи Посполитой мало врагов? Разве внутри ее не хватает бунтовщиков? Война как была, так и останется. Только приобретет другой масштаб. Да еще, ко всему прочему, мне придется воевать с польской и литовской шляхтой. Ты же понимаешь, что мне не по душе их безудержные вольности. Если их вовремя не пресечь - они растерзают всю державу. Нет. Пока я вижу, что ты предлагаешь мне взвалить на свои плечи непосильную ношу.

- Это невероятно! - нахмурился граф. - Много ли людей вот так отказывались бы от короны Речи Посполитой?

- Дай-ка подумать. Хм. Генрих Валуа[5 - В январе 1574 году на Сейме избрали королем Польши и Великим князем Литовским Генриха Валуа. Однако уже в июне 1574 года он сбежал во Францию, не перенеся польского гостеприимства. Шутка, конечно. Основной причиной бегства стало наследование Французского

престола, который был значительно более ценным и значимым, чем Польский. Что понимали и в Польше, не желая отъезда своего короля. Поэтому тому пришлось бежать тайно.]]? – с мягкой улыбкой поинтересовался Дмитрий.

– Нашел с чем сравнивать! – фыркнул граф. – Где Париж и где Москва?

– И все же. Меня мало интересует престол Польши и Литвы. Слишком хлопотное это дело.

– Ты так хочешь отрубить Марине голову? Отпусти ее со мной... Молчи! – крикнул Мнишек на дочь. – Дура! Во что ты ввязалась?

– Граф, – холодно произнес Дмитрий. – Эта женщина хоть и ваша дочь, но она может стать царицей. Венчаной царицей. Я бы на вашем месте поостерегся.

– Может?! Как?! Я готов предать своего короля! И подбил на это всех, кто меня уважает! И тебе этого мало! Невероятно!

– Отец, – тихо произнесла Марина. – Ты мог бы нанять сотню толковых мастеров?

– Зачем? Каких? О чем ты?

– Посмотри на стол.

– Что? – не понял граф.

– Посмотри.

– И что я должен там увидеть?

– Список людей. Это подарок короля Англии Якова царю. Обычные подмастерья и ученики. Ничего серьезного. Это не царское дело, разбираться с ними. Но Дмитрий лично занимается этим вопросом. Ты разве не заметил?

– О... хм... я...

– Корона Польши и Литвы на его челе нужна тебе, а не ему. Это я тебе и сама говорила. Приведи ему сотню действительно хороших мастеров – ремесленников, и он возьмет меня в жены. Приведи три сотни – он согласится на твою поддержку в выборах. Разве я не права? – поинтересовалась Марина у Дмитрия.

Тот вдумчиво на нее посмотрел. Его холодный взгляд голубых спокойных глаз встретился с живым черным, пышущим страстью взглядом этой женщины. Глаза в глаза. Она и не подумала проявлять покорность и «потупляться взором». Даже напротив – приосанилась и подпустила озорного задора в свою позу и выражение лица.

Дмитрий улыбнулся. Встал. И подошел к вскочившей Марине. Крепко прижал ее к себе, притянув за талию и спину. Вдохнул аромат ее чисто вымытых волос. И тихо шепнул:

– Ты моя погибель... я еще пожалею... – А потом добавил громче, чтобы услышал и Ежи: – Но сейчас ты права как никогда. Только число толковых ремесленников нужно увеличить вдвое. И набирать их где-нибудь в Богемии под предлогом службы потомку Пршемысловичей[6 - Пршемысловичи – первая княжеская и королевская династия Чехии. Династия правила Чехией с 872 по 1306 год.]. Правда, с условием: я буду проверять их лично.

Пауза.

Марина робко улыбнулась. Эта импровизация завершилась неожиданно удачно. Она даже и не надеялась на это. А Дмитрий, выдержав небольшую паузу, не удержался и впился в ее охотно отозвавшиеся губы поцелуем. Впервые с момента их знакомства. Ему хотелось этого целую вечность![7 - Марина Мнишек не считалась местными жителями красавицей, потому что в моде были пышные формы и жиры, так характерные для красавиц барокко. А она была стройна, не вписываясь в эту парадигму. Кроме того, ценились нежные, кроткие женщины, а Марина была страстной, бойкой стервой, что опять-таки не добавляло ей красоты в глазах местных мужчин. Однако Дмитрию она очень приглянулась и внешностью, и голосом, и характером, оказавшись «косплеем» ведьмы Йеннифэр из Венгерберга из франшизы компьютерных игр «Ведьмак». Темная, опасная, ядовитая красота. Она манила и пугала одновременно.]

Отец промолчал, спокойно наблюдая и никак не реагируя на происходящее.

Оторвавшись, Дмитрий понял, что жаждет немедленного продолжения. И Марина это прекрасно чувствует, судя по лукавому и многозначительному взгляду. Но ни время, ни место, ни обстоятельства не способствовали исполнению этого желания.

– И да, папа, – уже громче произнес Дмитрий, обращаясь к Ежи Мнишеку. – Твоей дочери понадобится корона.

– Будет ей корона, – усмехнувшись, произнес граф, вставая... и напряженно осмысливая произошедшее. Оно довольно туго укладывалось в его голову.

Две сотни ремесленников уровня мастера. Много это или мало? На первый взгляд может показаться, что Дмитрий продешевил и поддался на гнетущее желание обладания этой самкой. Однако все познается в сравнении. Потому как в Русском царстве к 1600 году было совокупно примерно такое же количество ремесленников подобного уровня. Плюс-минус. И это – весьма оптимистичная оценка. Царь прекрасно понимал: его будущий тесть попытается хитрить. Две сотни мастеров – это много. А значит, большинство из тех, кого Мнишек привезет в Москву, возведут в ранг мастера непосредственно перед отъездом. Но это и не страшно. Цеховая организация ремесленного общества Европы в целом и Богемии в частности жестко регулировала количество мастеров – буквально по головам. Поэтому множество очень толковых ремесленников всю жизнь так и сидели в вечных подмастерьях. Ведь у мастера был свой сын, а у того – свой... А ему что? Ему это все не принципиально. Главное, чтобы ребята приехали рукастые.

Глава 2

13 февраля 1606 года, Москва

Патриарх Иов потер глаза, стараясь снять напряжение, и жестом указал Петру Басманову на стул подле себя. Этот каменный угол очень плохо прослушивался со стороны и прекрасно подходил для беседы вдали от любопытных ушей.

– Рассказывай, – тихим голосом произнес Иов.

– Что рассказывать?

– Что там у царя с этим поляком за дела? Отчего он так резко надумал Марину в жены брать?

– Я мало что знаю, – пожал плечами Петр.

– И все же.

– Это только слухи, – особенно подчеркнул Басманов. – Но Ежи Мнишек, как говорят, хотел предложить царю поддержать его на выборах в Речи Посполитой. Там сейчас неспокойно, и Сигизмунд может потерять корону в любой момент. Однако... от Дмитрия он вышел крайне задумчивый. Расспрашивал о всяких странных вещах – вроде безвредных совершенно, но и не нужных ему. Прежде всего, про допрос Василия и Земский собор. Судя по всему, царь отказался. Но тогда что его заставило взять в жены Марину?

– Царь тебе не рассказывал?

– Да он с того дня постоянно занят, – с усмешкой отметил Басманов. – Трудится, не покладая... рук. Даже удивительно. Баба неказистая. Дохлая. Дикая. Глаза пылают. Да что уж там – ведьма ведьмой. А все ж она как зацепило!

– Тоже ведьму нашел! Она в церковь ходит больше некоторых!

– А...

– Услышу, что при дворе болтают, будто она ведьма, приворожившая царя, – лично ему донесу. Так что, мил друг, теперь ходи и рассказывай всем о том, как истово она молится и как поражает тебя своей богобоязненностью и благочестием.

– Я?! Да... но...

– Именно ты! Может, не с тебя пошло, но ты царю верный слуга. Так уж постарайся. А кто дурь будет нести – смело мне докладывай. Особливо если что замышлять станут. Дмитрий и так особой добротой не отличается, а если эту полячку потравят или иначе как заморят – совсем озвереет. Мне и так непросто сдерживать его ярость.

– Ярость?

– У него в душе боль великая за все беды, что обрушились на дом его. На брата, отца, деда с бабкой и далее. Пока мне удастся ее в узде держать. Да и он сам старается, опасаясь всю Русь кровью залить. Он ведь из-за этого и венец брать не желал. Боялся нас всех поубивать. А ну как это прорвется? Там ТАКОЙ зверь наружу вырвется, что лучше и не думать о том. Холодный как лед, справедливый как смерть и безжалостный как механизма. Никого не позабудет, никого не простит, никого не пощадит.

– Понял, – после долгой паузы ответил Басманов, изрядно напрягшись.

– Что хмуришься? Догадался ли, отчего взгляд его часто холоден?

– Догадался.

– Эта полячка – его страсть. Любит он ее. Может, эти чувства хоть как-то согреют его душу. Она мне тоже не нравится. Как и отец ее. Но раз Дмитрию глянулась, то и пусть. В конце концов, не мне с ней ложе делить. А разумом она не обижена – договориться можно. Разве что дурости от венца прибавится. Но тут уж ничего не поделать.

– Но почему она? Других, что ли, нет?

– А почему Дмитрий?

– Что?!

– Вот то-то и оно. Бориса уже поставили. Хорошо вышло? Мню – Дмитрий наш шанс на искупление. А Марина – его надежда на любовь. Умрет она – погибнет и он. А следом и держава наша. Помнишь, что он говорил на Земском соборе? Что

не простые были эти три года голода. Всевышний предупреждал, просил прекратить наши беззакония. И послал нам его в качестве последней надежды. Мне не все нравится, что он творит и к чему стремится. Но... – Патриарх многозначительно покачал головой.

– Я понял тебя, отче, – степенно кивнул Петр, вспоминая слова самого Дмитрия об Иване Васильевиче и его нежном отношении к женщинам. Ну, те, что он в Смоленске говорил, объясняя поведение отца по отношению к Анне Колтовской, «забритой» в монастырь за измену. Хотя должно на плаху отправить да на дурную голову укоротить. Получалось все так странно и необычно. Ему требовалось время на то, чтобы разобраться в своих мыслях. Поэтому он решил перевести разговор в другое русло. – Ты знаешь, что царь готовится к войне?

– Войне? Какой? Ты уверен?

– В таких делах никогда нельзя быть уверенным, особенно с нашим царем. Скрытный он больно. Но одно я вижу ясно – пехотную бригаду свою крепит. Может быть, числом и не сильно, но качеством...

Патриарх заинтересовался.

А Петр Басманов поведал ему о делах царевых. Не то чтобы тайных каких, но и не выпячиваемых. По утвержденным Дмитрием штатам пехотная бригада теперь имела в своем составе два полка линейной пехоты по три батальона при трех ротах. Каждый полк вышел существенно жиже прежнего, но так удобнее было управляться. Да и задел на будущее. Их поддерживали два дивизиона 3-фунтовых полковых «Единорогов» при совокупно тридцати шести орудиях да батарея полевых 12-фунтовых «Единорогов»[8 - 12-фунтовые «Единороги» Дмитрий ввел для стрельбы ранними картечными гранатами, позволяющими радикально поднять огневую мощь своей армии в полевых сражениях. Ну и обычными фитильными гранатами, для обстрела укреплений.] в шесть «стволов». Сила! Сверх того, в качестве иных средств усиления шел батальон тяжелой пехоты, дивизион кровавых гусар и эскадрон драгун[9 - Драгун Дмитрий вырядил в духе классических гусар, только вместо рейтуз выдал галифе в цвет мундира, а вместо кивера – кубанку. Вооружены карабином, двумя тяжелыми пистолетами, кончаром и шпагой. Плюс лошади линейных пород, как и у кровавых гусар. Но задачи не натиск на поле боя, а разведка, патрули, охрана на марше и преследование противника. Бой в пешем порядке для нее не предусматривался по уставу. Вышли не совсем драгуны, но Дмитрию это было и

не принципиально, ведь вкладывать в название можно разное содержание.]

- Кровавые гусары? – удивился Иов.

- Да те же крылатые, только перья в красный цвет выкрашены, ну и одежда вся красная. Чтобы от поляков и литовцев отличать. А то в бою смешаются – не поймешь.

- А... – произнес патриарх, принимая факт объяснения.

Совокупно выходило свыше четырех с половиной тысяч строевых. Да полторы тысячи – в обозе и на хозяйстве. К полевым кухням добавились полевые кузницы и прочие ремонтно-восстановительные точки. Появилась госпитальная рота. Значительно улучшились фургоны. И прочее, прочее, прочее.

Не так чтобы сильно многочисленнее прежнего вышло, но качественно удалось усилить кардинально. Ведь Дмитрий с самого уничтожения Шуйских уделял большое внимание освоению внушительных трофеев и перевооружению бригады своей личной армии.

Например, в войска с осени 1605 года стало поступать новое оружие – ружья. Стволы для них пошли с трофейного оружия, благо, что они там выделялись из максимально мягкого железа. Чтобы не разорвало. Вот Дмитрий с мастерами и довел их до ума[10 - Обрезали по длине, калибровали плоским сверлом, обрабатывали снаружи для приведения к общему виду и габаритам. Полировали канал ствола. Цементировали канал ствола (забивали пылью березового угля и несколько часов прокаливали). Припаивали мушку, целик и фиксатор штыка.]. В результате точность и дальность боя, а также живучесть резко возросли.

К стволам шли колесцовые замки, производство которых по затее Дмитрия наладил еще Борис в 1604 году по методу распределенной мануфактуры и узкой специализации мастеровых[11 - Фактически – вариант распределенного конвейерного производства, резко повышающего удельную эффективность труда, автоматически снижая планку квалификации мастеров.]. Да с приемом по лекалам и замерам. Совокупно это не только делало их стоимость в семь раз ниже обычного, но и давало полную взаимозаменяемость деталей. Как следствие, удобство полевого ремонта.

Образ ружья завершало ложе с прикладом, укрепленным медной «пяткой», от знаменитой Brown Bess[12 - Brown Bess – знаменитое английское ружье. Оно находилось на вооружении больше столетия (1722–1838), а в колониях – еще дольше. Отличалось в целом удачностью конструкции и компоновки.], съемный игольчатый штык и плечевой ремень на антабках.

По меркам 1606 года – сказка, а не оружие! Но ведь и это еще не все. Дмитрий, ожидая весьма горячую пору, ввел для него бумажные патроны и компрессионные пули, в духе поделки Нейслера из мягкого свинца...

Впрочем, не ружьем единым.

Андрей Чохов[13 - Андрей Чохов (1545–1629) – выдающийся русский мастер пушечных и колокольных дел, литейщик. Создал Царь-пушку, отлил большинство тяжелых орудий в Русском царстве конца XVI – начала XVII веков. Сдружился с Дмитрием еще в 1604 году, когда Дмитрий заказал у него 3-фунтовые «Единороги», изготовленные по методологии системы Грибовалея. Дмитрий смог заинтересовать Андрея свежими сведениями по металлургии, они стали часто общаться, а потом и вообще сдружиться, может, и не сдружились, но приятелями стали точно.], узнав от Дмитрия про литье с управляемой кристаллизацией, закусил удила. Тем более, что пушечной бронзы было много после разрушения Царь-пушки, а царю хотелось получить новые, еще более легкие «Единороги» и ручные мортиры. Притом стандартного образца. К этому начинанию прекрасно подошли и передовые лафеты системы Грибовалея, до которых было еще века полтора, ежели тихой сапой. Не меньше пользы несли и пехотные кирасы с приклепанным упором-уловителем для приклада. Да и вообще – всего не перечесать. Дмитрий развил прямо-таки чудовищно интенсивную деятельность вокруг своего маленького войска! Благо что захваченная казна Сигизмунда позволяла так резвиться.

– Все это очень интересно, – остановил Басманова уставший от его болтовни патриарх, – но почему ты решил, что он готовится к войне?

Иов за какие-то полчаса оказался так перегружен этими техническими деталями, что у него голова пошла кругом. Как только Петр это все запомнил? Почему Дмитрий отказался от пикинеров? Да откуда же он знает? Он не понимает и то, зачем государь их ввел. И так далее. Это были не его вопросы. Совсем. Единственное, что патриарх вынес из разговора, – царь за очень

небольшое время сделал очень многое для коренной модернизации армии и ее качественного перевооружения. Пусть и небольшой ее части. Зато уже весьма славной.

– Как почему? Так ведь на кой бес ему так спешить? У него словно пожар в одном месте. Мне иной раз кажется, что завтра прискачет гонец с вестью о начале войны...

– Хочешь мира – готовься к войне, – произнес Иов, назидательно подняв палец. – Уверен, что царь и более масштабные преобразования начал бы, будь у него денег больше. М-да. А сам-то что думаешь? Замечал, может, что странное?

– Он везде ходит со своими преторианцами. Завел странную привычку выезжать-въезжать через разные ворота кремля. И никто до конца не знает, через какие он пойдет. Выселил бояр и прочих из кремля. Бояре ропщут. Но после судьбы Шуйских – негромко. Да и перестройка жилых покоев его тоже довольно необычна. Мне кажется, что он готовится долго и серьезно воевать за свою жизнь. Сначала на стенах кремля. Потом отступив в палаты. Словно какая-то темная сила собирается его уничтожить, а он жаждет отдать жизнь как можно дороже.

– Боюсь, что он недалек от истины, – грустно произнес патриарх. – Сам же говорил: бояре ропщут. Для них не секрет, что царь считает их язвой на теле царства. Они же тоже готовятся, справедливо опасаясь за свои жизни. Слышал ли? За дружины свои многие родовитые взялись. Восстанавливают. Укрепляют. Видно, царь о том знает и понимает, что рано или поздно это приведет к серьезному столкновению. К войне.

– Вот! Вот оно, отче!

– Что?

– Так сходится все! И истовая реформа пехотной бригады, и подготовка кремля к осаде с выселением всех подозрительных за его пределы. Но... тогда получается, что бояре должны ударить совсем скоро.

– Или он боится, что не успеет подготовиться. Не торопи события. Я поговорю с царем. Может быть, ему в этом деле потребна наша помощь. Хотя я не уверен,

что он хоть кому-то доверяет...

Глава 3

15 апреля 1606 года, Москва

Торжества готовили в спешке, ориентируясь на Весенний мясоед – непродолжительный период, идущий между Пасхой и Троицей. Иначе до осени тянуть, чего Дмитрий позволить себе не мог. Ведь при той страсти, с которой он подошел к Марине, осенью ее живот, очевидно, округлится. А значит, что? Правильно. Пойдут ненужные пересуды. Оно ему надо? Нет, конечно, ничего страшного. Но все равно – болтать будут всякие глупости, что имиджу монарха на пользу не пойдет.

Первый этап проходил в Успенском соборе.

Патриарх лично провел церковный обряд заключения брака в самом обычном формате. Не затягивая. Ибо знал: это не конец церемонии. Обменялись кольцами. Возложили венцы. Испили из общей чаши. И так далее. Все, что нужно, то и сделали.

После чего Дмитрий повел свою законную супругу на свежий воздух, где возле самого собора их ждал царев возок, а также эскорт из сотни кровавых гусар.

Уселись и тронулись.

Выехали из кремля. Остановились возле первого места народного гуляния.

Заранее поставленные туда люди выкрикнули здравицу царю и его молодой жене. Подвыпивший народ подхватил. Свой человек, прикидываясь пьяным дурачком, полез к царю с чаркой вина. Разумеется, большую часть расплескав по пути и чем изрядно повеселив людей. Царь же, выдав заранее подготовленный тост, удовлетворил просьбу «человека из народа».

Потом была следующая точка. И еще одна. И еще.

И где-то за час Дмитрий, только лишь слегка захмелев, объехал все официальные площадки для угощения жителей и гостей столицы. Везде лицом поторговал. Во всех больших компаниях засветился. С доброй половиной Москвы выпил, образно, разумеется. Но гуляющие люди оценили это куда буквально. Ведь событие из ряда вон выходящее.

Опасно. Рискованно. Ведь в любой момент на царя могли напасть или попытаться отравить. Но Дмитрий должен был рискнуть, дабы заработать еще рейтинга, такого важного в канун грандиозных потрясений.

Не меньшим гвоздем программы стал его возок – легкая открытая повозка на эллиптических рессорах, появившаяся природным образом только в XVIII веке[14 - Речь идет о повозке типа «ландо»]. Дмитрию пришлось пустить на это диво дивное больше сотни хороших шпаг, иначе не удавалось изготовить пластины рессор для должной грузоподъемности и надежности. Важно отметить – это была ПЕРВАЯ в мире повозка с металлическими рессорами. ПЕРВАЯ! Так что впечатление она произвела не только на горожан, но и на иностранцев, которых хватало. Особенно пристально ее изучали богатые гости, явно жаждущие такую же себе. Ведь как мягко шла!

Да и вообще – повозка сама по себе была довольно интересная.

Ее открытый корпус был примечателен тем, что сверкал в лучах солнца из-за лакировки, словно новый автомобиль. Никаких вычурных украшений, так характерных для эпохи барокко. Все строго, аккуратно и изящно. Немного позолоченной бронзовой фурнитуры, однотонный кроваво-красный цвет корпуса да белый единорог на дверках. Ну и откидная, складная крыша, приоткрытая на четверть, ведь рекламная акция была в самом разгаре.

Красного цвета было довольно много.

Тут и корпус возка, и бархат внутренней отделки, и одежда эскорта, и их волнующиеся на ветру перья. Плохо или хорошо с точки зрения стилистики – отдельный вопрос, но внимание привлекало...

Но вот все завершилось – процессия вернулась, въехав в кремль через Спасские ворота.

Предстояло совершить следующий этап – венчать Марину на царство, как полноценную царицу. Опасный поступок. Ведь жена могла пожелать избавиться от мужа после венчания. Она ведь теперь могла править и сама. Но Дмитрий пошел на этот шаг, рассчитывая, что, если его убьют или он скоропостижно скончается, у его детей будет возможность хотя бы выжить...

В Успенском соборе все уже было готово.

Полчаса скучного, но нужного ритуала, и Дмитрий своими руками возлагает на коленопреклоненную и миропомазанную[15 - Порядок венчания на царство был изменен в 1605 году по настоянию Дмитрия. Теперь сначала проводили обряд миропомазания, а потом возлагали корону, а не наоборот, как было на Руси принято согласно византийской традиции. Дмитрию это было не принципиально. Но поменять что-то было нужно, раз настоял. Он-то надеялся, что откажутся, но не вышло.] Марину малый царский венец, сделанный специально для нее.

Она бледна.

Не то от усталости, не то от переполнявших ее чувств.

Мягко улыбнувшись, он подал ей руку, помогая встать. Она охотно приняла его помощь.

Повернулись к гостям церемонии.

И все в соборе преклонили колени. Что местные бояре, священники да купцы, что приглашенные гости. На этом, собственно, и все. Дальше был пир в Грановитой палате. Прием подарков от гостей и наблюдение за тем, как благородный народ напивается в хлам.

– Ты как? – тихо шепнул он теперь уже законной жене.

– Быстрее бы уже все кончилось... – так же шепотом ответила она, продолжая удерживать дежурную улыбку.

Но посекретничать им не дали. Подошел очередной человек, желающий выразить свою радость от столь знаменательного события.

– Государь, – произнес очень вкрадчиво этот мужчина, поклонясь, – государыня, – повторил он свой жест, но уже царице. После чего выдал целое кружево довольно бессмысленных, но красивых слов. Еще раз поклонился и подозвал сопровождающего его молодого мужчину с небольшим ларцом в руках. Открыл его и аккуратно почерпнул рукой драгоценные камни.

– Ты подносишь очень дорогой подарок, друг мой, – внимательно смотря ему в глаза, произнес Дмитрий. – Но я тебя не знаю. Кто ты? Какой милости хочешь?

– Я прибыл сюда от евреев Речи Посполитой, – еще раз глубоко поклонился мужчина, прижимая правую руку к сердцу. – Зовут меня Шавл Юдич Валь [16 - Шавл Юдич Валь (1545–1617) – один из наиболее уважаемых евреев Речи Посполитой тех лет. Родился в Падуе (Италия, республика Венеция). Раввин и банкир. Был на очень хорошем счету у Стефана Батория и многих влиятельных магнатов.]. Ювелиры, что прислал тебе мой король, одной со мной веры. Они писали совершенно удивительные вещи. Камни, что они огранили, вышли настоящими шедеврами...

– Да, – охотно кивнул Дмитрий, – они честно и самоотверженно старались. Молодцы и умницы, каких поискать.

– Но они также писали, что многое подсказал им ты, Государь. Без тебя они бы и не знали, как сделать так, чтобы самоцветы заиграли и загорелись искрами небесного света.

– Они преувеличивают мою помощь, – мягко улыбнувшись, произнес царь. – Я просто поделился с ними некоторыми своими мыслями и наблюдениями. Без их мастерства, упорства в труде и находчивости ничего бы не получилось.

– Приятно слышать такие лестные отзывы, – вновь глубоко поклонился известный в Речи Посполитой раввин и банкир. Не требовалось отдельно пояснять, что новые формы огранки драгоценных камней, которые Дмитрий знал по XXI веку и попросил применить в коронах, принесут еврейской диаспоре Речи Посполитой очень большие деньги. Оттого и столь дорогой подарок, с подвохом, разумеется. Мало ли, может быть, царь еще что-нибудь интересное с камнями выдумает? На фоне грядущих прибылей этот ларец выглядел очень скромно.

– Но если вы хотите, чтобы я и дальше изредка делился с вами своими наблюдениями и мыслями, то я готов позволить открыть в Москве большое подворье для изготовления драгоценных украшений. Обычные налоги, как для всех. Сверх того моя защита, на случай, если кто-то попытается дурить да подменять христианскую любовь стремлением к погромам и поживе.

– О! – вновь глубоко поклонился Валь. – Очень щедрое предложение! Но...

– ...что захочет Государь за свою помощь и идеи? – помог ему Дмитрий.

– Да.

– Войти в долю и получать десять процентов от прибыли. Сначала я, а потом и те, кто мне унаследует. Я прекрасно понимаю, что оказанная услуга больше ею не является. И, узнав о некоторых новых способах огранки, ваша община больше в моей подсказке не нуждается. Да, да. Не смущайся. Я действительно удивлен вашим поступком. Это очень щедро и благородно. И именно поэтому я предлагаю вам возможность получить еще немного полезных знаний, которые, как известно, дороже денег. Но уже на других условиях.

– Это справедливо, – после довольно долгого размышления произнес Валь. – Хотя, мнится мне, защита от погромов будет не меньше стоить. Ты уверен, государь, что десяти процентов тебе хватит?

– Я не жадный, – пожал плечами Дмитрий. – Жадность – это форма глупости. Мне хотелось бы, чтобы вам было выгодно со мной сотрудничать. Чтобы вы сами держались за нашу дружбу, а не терпели ее на грани раздражения. Но разве это будет возможно, если я попрошу много? Очень сомневаюсь. А теперь ступай, полагаю, что сейчас не время и не место для подобных бесед. Подумай. Посоветуйся. И как решите говорить предметно – дай мне знать.

Шавл Юдич Валь еще раз глубоко поклонился и ушел, уступая место следующему желающему поднести царю и царице дары. Рутиня торжества продолжилась...

Ювелиры, полученные Дмитрием в знак примирения от короля Сигизмунда, безусловно, писали домой. О том царь знал и не мешал им, понимая, что на эту наживку может клюнуть большая рыба. Рыба приехала. Теперь осталось ее

правильно подсечь. Старый, опытный, матерый еврей-банкир[17 - В те годы община евреев в Речи Посполитой была второй по численности после общины в Османской империи и насчитывала около 1,5 миллиона человек. Руководство этой общины обладало возможностью привлечь для дела довольно большие деньги.], подрабатывающий по совместительству раввином из той эпохи, когда не только об «МММ», но и даже о фьючерсах и форвардах еще не слышали, не говоря про другие прелестные вещи. И молодой, умный, пытливый мужчина без комплексов и предрассудков из XXI века, которому требовалось много... ОЧЕНЬ много денег на его прожекты. Блюдо должно получиться очень изысканным, если не испортится в процессе приготовления.

О каких намеках подумал Валь? Сложно сказать. Наверняка он наводил справки о Дмитриии перед тем, как к нему идти. Впрочем, его внимательный, оценивающий взгляд, который он бросал на короны царя и царицы, тоже говорил о многом[18 - У Дмитрия была корона – вариант короны Кайзера Вильгельма II. У Марины – вариант короны императрицы Евгении. Только в обоих случаях бриллианты за их неимением заменили корундами (рубинами, сапфирами и изумрудами). Разумеется, обе короны исполнялись в стилистике, а не в точном подражании из-за ряда ограничений, в том числе и из-за невозможности дать ювелирам точный эскиз или чертеж.]. Это ведь в сентябре 1605 года у Дмитрия была грубая, наспех выполненная поделка, обозначающая только общий фронт работ и силуэт. Не успевали иначе. А сейчас все было совсем по-другому. Да, пришлось изрядно распотрошить всю сокровищницу русских царей, разобрав на запчасти многие вещицы, но оно того стоило. Обе короны вышли очень эффектными, а главное – красивыми, новыми и свежими стилистически. Этакая презентация и рекламная акция в одном флаконе.

Глава 4

1 мая 1606 года, Москва

Дмитрий тяжело вздохнул и посмотрел на пластиковый пакет, лежащий перед ним. Было не по себе. Сильно. Аж руки слегка подрагивали.

Когда в сентябре 1603 года он понял, что каким-то образом оказался в самом начале XVII века, то первым его поступком стала борьба с компроматом.

Выложил все вещи, которые могли бы вызвать вопросы, выключил все, везде извлек аккумуляторы, где они были, упаковал в полиэтилен, замотал скотчем и прикопал возле одного дерева недалеко от Смоленска. А в марте 1605 года, когда двигался к Москве со своим войском, сделал небольшую паузу и выкопал старую закладку. Так с тех пор и не трогал. Да и зачем? Уничтожить бы, да жалко.

Умные часы[19 - Система подзарядки этих смарт-часов Sequent работает за счет движений запястья руки. Вкупе с предельной экономией расхода электроэнергии (нет ни одного дисплея – только стрелки и один экономный диод) это дает практически «бесконечную» автономность. У Дмитрия была лимитированная версия из «нержавейки» с конденсаторными аккумуляторами и блоком солнечных батарей под циферблатом. Без надписей. На всем аппарате был только маленький, едва заметный логотип. Дмитрий предпочитал следовать новой моде и избавлялся от любых лишних надписей и брендовых изображений.], смартфоны, power-bank, механическая зарядка в комплекте со складным мини-блоком солнечных батарей, купленным специально для долгих выездов. Еще аптечка походная. Маленький светодиодный фонарик. Ну и так, мелочовка всякая: ключи, деньги, кредитные карты, документы и так далее. И еще что-то. Он уже забыл. Оставлять их просто так под тем деревом Дмитрий откровенно боялся. Мало ли кто выкопает? Беда! А уничтожить рука не поднималась.

И вот сейчас, собравшись с духом, он решил вскрыть пакет и уже решить, что с ним делать.

– Уф... – выдохнул царь и аккуратно разрезал тонкий пластик в надежде, что там все залито водой и настолько угроблено, что можно не глядя сжечь в печи.

Но не повезло.

Он слишком ответственно подошел к вопросу.

Чисто и сухо.

Взглянул на дверь.

Эта комната его покоев отделялась от дежурного секретаря и поста преторианцев двумя комнатами. Ни одного лишнего слуги не только в царских палатах, но и на территории кремля не было. Да и вообще кремль его стараниями превратился в охраняемый режимный объект с патрулями и комендантским часом. Потревожат ли его? Вряд ли. Разве что Марина, с которой они совершенно взбаламутили весь распорядок и устав. До такой степени, что фактического разделения на мужскую и женскую часть палат уже и не было, а царица проводила много, очень много, слишком много времени с царем. Даже ночевала у него не только для близости, но и просто потому, что им так нравилось. Поначалу по инициативе Дмитрия, а потом втянулась. Ведь настоящее сближение начинается отнюдь не с секса. Но сейчас Марины не было. Она серьезно работала на свою репутацию и поэтому старалась демонстрировать набожность людям. Слухи о том, что она ведьма, продолжали упорно ходить. И только активным прилюдным богомольем удавалось их сдерживать в узде. Вот и сейчас она устроила трехдневное турне для торговли лицом перед молящимися по церквям...

Царь снова осторожно вздохнул и начал раскладывать на столе гостинцы из будущего. Он, может, и рвался бы к смартфону, если бы там было что ценное. Но, к сожалению, никаких подборок книг и справочников там не имелось. Так – немного музыки, немного клипов, а все остальное лежало в облачных хранилищах. Он как-то привык к тому, что Интернет есть везде...

Включил power-bank.

– Ого! – тихо воскликнул он. Десять процентов заряда. Он-то думал, что все совсем разряжено.

Вставил аккумулятор в смартфон. Присоединил к power-bank. Воткнул наушники-затычки, чтобы не дать громко пиликать при загрузке. Включил.

Телефон загрузился, порадовав экраном для ввода графического ключа.

Ввел. За неполные три года движения стали несколько неуверенными. Отвык.

Воткнул наушники в уши. Выбрал первую попавшуюся композицию из альбома. Запустил проигрывание и зажмурился[20 - Ему попала композиция испанской рок-группы M?go de Oz под названием Vodka'n'roll, с которой можно

ознакомиться тут: <https://www.youtube.com/watch?v=dapK0eqVQQU> Довольно стебная, шутливая композиция, случайно затесавшаяся в его подборку. Но сейчас это не имело никакого значения.].

Ностальгия по былому нахлынула на него с удивительной силой. Даже слезу пустил, благо никто не видел.

Кому и что он пытался доказать всем этим фрондерством? Делал бы, что хотел отец – сидел бы сейчас в каком-нибудь ресторане и наслаждался сервисом в обнимку с цивилизацией. А где он сейчас? Заболит тот же зуб – и что? Или простуда? Или еще какая пакость? Да, черт побери! Тут даже туалетной бумаги нет! А гадить ему приходится в ночную вазу. В горшок то есть! Кошмар... тихий ужас. Попробовать было бы классно. Наверное. День, два, три. Ну, может, пару неделек, для глубины и полноты ощущений. Но так жить? Нет! Увольте. Он бы никогда сам на это не согласился. Да, он здесь царь. Но если бы ему предложили вернуться – согласился бы немедленно. Разве что Марину бы захотел с собой прихватить. Очень уж она его зацепила. А так – оставил бы все и всех без малейшего угрызения совести. Он чувствовал себя чужеродным элементом эпохи. Иностранцем телом. Ему тут плохо. Всем вокруг из-за него плохо. К чему все это? А главное – зачем? Чья это дурная шутка?

Мысли плавно перешли к родителям. К папе и маме. К бабушке. Да и вообще – ко всем родичам, которых он когда-либо видел.

Перебирая в памяти одного за другим, Дмитрий с удивлением отмечал диссонанс с внешностью и характером. Да, основной семейной легендой было то, что он похож на деда. Но вот беда – ни одной его фотографии не сохранилось. Вообще. А все остальные даже отдаленно не имели сходства. Ни черты лица, ни рост, ни цвет волос, ни глаза, ни голос. Он всегда был белой вороной.

Попытался вспомнить бабушку. Не на фото или с рассказов, а в жизни. И тоже – пусто. Как будто корова языком слизнула. Как будто и не было ее никогда. Или его. Странно, почему он раньше на это внимания не обращал? Очень странно.

Потер шрам.

Удивительно, но его появление для него тоже оставалось загадкой. Конечно, родители рассказывали, но... он сам не помнит. Такое потрясение, и не помнил! Как же так? Да и вообще – все его раннее детство словно в густом тумане. Отдельные размытые образы, в которых ничего толком не понять и ни одного лица не разглядеть. Да что лица – даже имена. Ничего. Какая-то странная каша.

Детские фото? Их на удивление мало. Он едва ли десяток вспомнит. Да и те такие невнятные, что не до конца ясно, кто там и с кем. Нет, конечно, ту же бабушку опознать вполне можно. Одна беда – того, кто сидит у нее на руках, не видно: он повернут затылком с накинутым капюшоном. И так везде. А если добавить к этому еще и странную его схожесть с Иваном Грозным, выходила совсем уж непонятная петрушка.

Дмитрий достал лист бумаги и стал фиксировать ключевые факты и явления, которые происходили с ним. Музыка играла, проигрывая композицию за композицией. Они не мешали. Он полностью погрузился в работу.

Часа не прошло, как он откинулся на спинку кресла с бледным видом.

Оказывалось, что он вообще ничего не мог сказать про свое детство, если отбросить рассказы взрослых. Лет до восьми-деяти. Словно его не было.

Кроме того, внешняя непохожесть на родичей шла рука об руку с их некоторой отстраненностью. Особенно второго колена и дальше. Его никогда тепло не принимали. Вежливо и очень аккуратно, но никогда не было теплоты. Ни от кого. Да и родители, когда разводились, его слова и пожелания в грош не поставили. Так решили, и все. Его это не касается. А мама так и вообще перестала после развода с ним общаться. Словно он для нее умер. Так, изредка, на праздники, позвонит и скажет несколько ничего не значащих слов. Отец общался, но держался с каждым годом все отстраненнее, полностью погрузившись в свою новую семью и малыша. Того-то он любил. Это сразу бросалось в глаза. Дмитрию всегда казалось, что это все вздор и он банально ревнует. Раньше. Но сейчас эта деталь обрела совсем другой смысл.

– Проклятье... – прошипел Дмитрий, потирая виски.

Обидно и больно.

Ему вдруг очень захотелось пообщаться с папой... ну или кем он там ему был? Глаза в глаза. Почему он молчал? Хотя... Что ему сказать? Разве он знал, кто такой Дмитрий и откуда взялся? Вряд ли. Но ведь поддержал увлечение исторической реконструкцией? Даже, казалось, как-то оживился и с особым интересом посмотрел на него тогда. И денег без вопросов выделил на доспехи, лошадей и тренеров. Знал? Да. Определенно он что-то знал. Да и золотой перстень с единорогом не просто так подарил. Слишком странное совпадение. Какова вероятность того, что из всех популярных геральдических символов он выберет именно единорога, бывшего личным символом Ивана Грозного? Очень небольшая. Обычно же больше по львам да орлам промышляют...

Но что же тогда выходит?

Дмитрий достал небольшое зеркало из аптечки и внимательно осмотрел свой шрам. Ему говорили о том, что он не характерный для лески и дурно зашит. Но, подсвеченный светодиодным фонариком, он отчетливо показывал довольно неплохой уровень мастерства хирурга. Уж Дима-то повидал швов со своим увлечением...

Кто же он, получается? Лжедмитрий или все-таки Дмитрий? Тот самый, настоящий, отучившийся в дебрях далекого будущего?

Свой среди чужих, чужой среди своих...

Все документы он разрезал и тщательно сжег в огне свечи. Кусочек за кусочком. Эти «бумажки» компрометировали его чрезвычайно. Пластиковые карты оставил. Никто все равно не поймет, что это такое. Разве что ножом срезал выдавленные надписи – числа и буквы. От греха подальше. Вдруг ему когда-нибудь потребуется пластик? Всякое бывает. А этого товара в здешних пенатах не найти.

Ну и дальше в том же духе.

Уничтожать или нет смартфон – было большим вопросом.

Зачем он ему? Музыка слушать? Обойдется. Но по здравом размышлении Дмитрий решил его сохранить. И когда вновь будет в районе своего места входа в эту эпоху – попытать счастья. Вдруг та пространственная аномалия будет все

еще работать? А это значит, что он сможет хоть немного посидеть в Интернете. Конечно, только если отчим не выкинул этот номер из корпоративной группы. Столько времени прошло... Удалить и забыть. Но мало ли? Проверить стоило. Даже несколько часов серфинга в Интернете могли дать много пользы. Учебники, таблицы, справочники. Всего и не перечесать. Одна только банальная «Википедия» чего стоит! Впрочем, стоило бы порыться и в кэшах мессенджеров и клиентов социальных сетей, не дожидаясь совсем уже призрачной удачи. Он же общался в среде реконструкторов, и там могло быть что-то полезное. Да, конечно, почти все ссылки – мусор и «сиськи». О чем еще могут говорить молодые мужчины? Но вдруг что интересное найдет? Там всякого хватало.

Также для себя он сделал еще одну зарубку – попытаться вычислить местоположение точки входа по силе сигнала. Вдруг получится вернуться назад? Не факт. Совсем не факт. Но мало ли? Такой возможностью пренебрегать не стоит. Не в том он положении.

Кроме того, у него на смартфоне стояла мобильная версия Excel. Казалось бы: фигня фигней! Но только для того, кто не умел ею пользоваться. На деле этот табличный редактор был довольно мощным и гибким вычислительным средством. Какой-то острой надобности в нем сейчас не было. Однако в будущем, когда ситуация утрясется, возможно, потребуется. Тут и финансы считать, и статистику, и научные вычисления делать.

Глава 5

12 июня 1606 года, Москва

Дмитрий откинулся на спинку кресла, потер переносицу и взглянул на Марину, развалившуюся, словно сытая кошка, на диване. Ну, пародии на него. Она внимательно смотрела на него с каким-то не то задумчивым, не то загадочным видом.

Был глубокий вечер.

За окном смеркалось.

Скоро нужно было отправляться спать. Но взгляд этой женщины был настолько провокационный, что царь напрягся.

- Что-то не так? Милая, ты так странно смотришь...

- Тебя ведь воспитывали ведьмы и колдуны... не отрицай, это лишнее. Смешно. А в народе почему-то ходят слухи, хоть уже и не так упорно, как раньше, что это я ведьма, которая тебя приворожила.

- Ты говоришь загадками, - произнес, напрягшись, Дмитрий. - Тебя что-то конкретное тревожит?

- Та странная маленькая ручная мельница. У нее еще при кручении ручки загорается огонек. Ты бы не разбрасывал такие вещи. Хорошо, что на это наткнулась я. А представь, какой переполох мог бы поднять слуга? Что это? Надеюсь, не опасно? Уж не смолола ли я свою душу, крутанув ручку?

- О... - несколько озадаченно произнес Дмитрий. Он как-то не думал, что Марина будет рыться в его вещах. А она, словно прочитав его мысли, пояснила:

- Ты меня сам просил принести твои записи. И точно указал, где их брать. Поверь, я сама бы не полезла в твои вещи, ибо побаиваюсь. И, как оказалось, не зря.

- Надеюсь, ты об этом своему духовнику не рассказала?

- Я похожа на дуру? - повела она бровью.

- Нет. Но ты могла испугаться.

- Не до такой степени. Что это?

- Ручное механическое зарядное устройство - генератор, который выдает электрический ток напряжением пять вольт и силой пятьсот миллиампер. Эм... Поняла чего-нибудь?

- Нет.

– Эта штука делает крохотные, совершенно безопасные молнии и упаковывает их в специально подготовленные емкости. Тот огонек, что начал светиться, питается такими молниями. Так яснее?

– Ты серьезно? – совершенно бесстрастно поинтересовалась супруга. Видимо, она была готова уже ко всему. И то, что выдал Дмитрий, было далеко не самой жуткой версией.

– Вполне. Зачем мне тебя обманывать? Мы с тобой в одной лодке. Проиграю я – и тебя убьют. И нашего будущего ребенка. Я пытаюсь как-то выправить положение, но пока перспективы очень грустные. Так что ты – пожалуй, единственный человек на Земле, которому я могу доверять. Пока во всяком случае.

– Хм... – хмыкнула она и задумалась.

– Ты не стесняйся, спрашивай. Раз уж наткнулась. Так будет лучше. А то напридумываешь себе страшилок. Лучше я все расскажу и поясню.

– Зачем ты эту мельницу...

– Ручной генератор.

– Зачем ты эту... этот ручной генератор притащил с собой? Какая с него польза? А риск? Хочешь патриарху объяснять, откуда он у тебя взялся и зачем он?

– О, это несложно, – улыбнулся Дмитрий. – Я же был в Иерусалиме.

– Ну конечно! Иерусалим все объяснит! Меня от священников уже тошнит, но не все из них с куриным разумом. Совершенно очевидно, что сходить в Иерусалим недостаточно для обретения такой штуки. Сколько ходило и ничего не приносило.

– Quod licet Jovi, non licet bovi[21 - Quod licet Jovi, non licet bovi – старинная поговорка на латыни, переводится как «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку».], – скромно и даже как-то сиротливо пожал плечами Дмитрий.

– А ты, я погляжу, возомнил себя Юпитером?

– Ну уж не бычком, совершенно точно. Хм. И сказано в Евангелии: Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил[22 - Известная притча о сокровище Иисуса Христа в Евангелии от Матфея. Обычно ее трактуют весьма аллегорично.]...

– Ты шутишь? – с каким-то диким выражением на лице переспросила Марина. Она, конечно, была весьма далека от искренней набожности, но и от более развитых форм восприятия мира была удалена не меньше. Поэтому с вопросами о боге она старалась обходиться довольно осторожно.

– Смотри, – сказал Дмитрий, доставая механический генератор. – Что здесь написано?

– Я... я не знаю, – честно призналась супруга, внимательно изучая устройство, но принципиально не трогая руками.

– Это надпись на древнем халдейском языке[23 - Древним халдейским языком Дмитрий назвал клинопись аккадского языка (один из древнейших семитских языков). Этот язык он не знал, но несколько надписей запомнил, когда лазил туристом по музеям в XXI веке. Все надписи состояли из двух клинописных слов – «царь» и «звезда». Это единственное, что Дмитрию удалось вспомнить. Все-таки аккадский язык он не изучал никогда.], означает «Царь под звездой». Ты много таких знаешь? Мне на ум приходит только тот, кто родился под Вифлеемской звездой. Особенно учитывая место нахождения...

Марина нахмурилась и задумалась. А Дмитрий мягко улыбнулся и присмотрелся к ней. Он был доволен тем, что первой устройство нашла именно она. Это прекрасно подходило для того, чтобы обкатать его заготовку легенды. Царь со всех устройств тщательно соскреб надписи, где они были, и подписал нужными значками клинописи. Благо, что это было не сложно при работе по пластику и легким металлам. Разве что поделки из нержавеющей стали не трогал: они у него и так были выполнены по последней моде XXI века – без надписей и с минимумом значков. Тот же смартфон был в корпусе из матовой нержавеющей стали с полированным логотипом, изображающим надкушенное «яблоко познания». На всем остальном корпусе не было других символов...

Почему Дмитрий выбрал халдейский... ну, то есть аккадский язык? Потому что это дары древних волхвов Востока. Это же очевидно. На каком еще языке они должны были писать? На греческом? На латинском? Очень вряд ли. Волхвы должны пользоваться чем-то очень необычным и крайне древним. Волхвы же, а не проезжие скоморохи.

- Так это... - нервно сглотнув, произнесла побледневшая Марина и осеклась.

- Дары волхвов[24 - Традиционно считается, что волхвы поднесли Иисусу золото, ладан и смирну. Но ситуация с волхвами крайне запутана. Там точно невозможно сказать, даже сколько их было (от 3 до 12), а весь эпизод напоминает традиционную для средневековой литературы завуалированную цитату. В данном случае эпизод, связанный с царицей Савской, для придания особой значимости этим дарам. Те же дары, что в 1606 году хранились на Афоне, совершенно очевидно, были обретены не раньше XIII века. Потому что, по легенде, их сначала сохранила Мария - мать Иисуса, отдав в Иерусалимский храм, где они хранились до 400 года. Что соответствует периоду с по меньшей мере одним разграблением Иерусалима. С 400 года по XV век они хранились в Софийском соборе в Константинополе, а в самом начале XIII века город подчистую разграбили крестоносцы. Так что, скорее всего, «дары волхвов» были созданы после возвращения Константинополя под руку Византийских императоров - не раньше конца XIII века. И это было прекрасно известно практически всем серьезным церковным иерархам тех лет, да и вообще - образованным и интересующимся темой людям.], - улыбнулся Дмитрий. - А волхвы, если что, были магами. Настоящими. Ну, их еще называют колдунами, к примеру. Одна беда - после того, как смертный прикоснулся к этим дарам, они начали портиться. Я же извлек их из совершенно не приметного деревянного ларца, который обнаружил у гроба Господня. Осквернил таким образом. Не знаю теперь, сколько они продержатся. Я же не сын Божий, у меня нет благодати, чтобы сохранять их в целости и исправности.

- Боже... - тихо произнесла супруга и от избытка чувств закрыла лицо руками.

- Ты веришь моему объяснению?

- Оно странное. Но... если тебя воспитывали волхвы... ну, то есть маги с колдунами и ведьмами, то... почему бы и нет?

– Думаешь, патриарх поверит?

– Не знаю, – покачала она головой. – Но если это действительно дары волхвов или что-то на них похожее, то ему следовало бы поверить. Обретение их ставит Московский патриархат очень высоко, возвышая над многими. Да. Думаю, что он поверит. Или хотя бы сделает вид, что поверил. В них есть что-то чудесное?

– Чудесное? Хм. Пожалуй, – улыбнулся Дмитрий и, пошарив по ящику, извлек неприметный холщовый мешочек, в котором все и лежало. Достал маленький светодиодный фонарик и включил его.

Мощный упругий луч слегка голубоватого цвета ударил из этой миниатюрной... кхм... палочки. Марина аж вздрогнула и изрядно округлившимися глазами уставилась на это диво дивное. Луч света полз по комнате, освещая даже лучше, чем днем, тот участок, на который попадал. А ведь за окном были сумерки, и царская чета сидела при свечах. Невероятная яркость освещения в холодном диапазоне белого цвета дала для Марины, привыкшей к теплым тонам света от костра или свечи, натурально эффект сюрреализма происходящего. Практически сопричастности с чем-то божественным или хотя бы по-настоящему магическим.

Секунд десять уделив демонстрации, Дмитрий выключил фонарик.

– Как тебе?

– Это... это... божественно!

– Серьезно? – максимально невозмутимо переспросил супруг, борясь с подступающим смехом. Ну... нельзя было сейчас начать ржать. Вся сакральность момента потеряется. Раз уж так получилось, то отчего бы не добавить этой ненаглядной и крайне опасной стерве дополнительной мотивации держаться за него? Не каждый самец homo sapiens может взять и выложить на кушетку дары волхвов. Тут нужна определенная уникальность. Хотя сознание Дмитрия буквально билось в истерике. Взял мощный светодиодный фонарик, посветил немного – и более древняя «мартышка», попросту не получившая должного развития и образования, пала ниц. Раз. Два. Три. И культ поклонения фонарику готов.

- Да! Да! - Ее глаза просто пылали от переполнявших всю ее сущность эмоций.

- И патриарх проникнется?

- Уверена! Дар волхва, достойный сына Божьего! А остальные можно посмотреть? Покажешь? Я же не успокоюсь теперь.

- Кстати, этот жезл теми маленькими молниями и питается.

- О! Так вот зачем они!

- Да. Но не только.

Чуть помедлив, он начал извлекать «остатки былой роскоши» из обычного, неприметного холщового мешочка.

Умные часы, power-bank, мини-блок солнечных батарей и смартфон.

Свою походную аптечку Дмитрий тоже не стал уничтожать. Но спрятал отдельно. Очень уж она грела душу кучей антибиотиков, противовирусных и обезболивающих средств. Фактически она превращалась в последнюю надежду для Дмитрия, а также для его жены и будущего ребенка. Однако как ее подать, он пока не придумал. Снимать упаковки с таблеток он побаивался, опасаясь снижения срока годности, и без того не самого хорошего в сложившихся условиях. Надписи же выглядели необъяснимо. Вообще аптечка вызывала у Дмитрия букет противоречивых чувств. Лекарства стремительно теряли срок годности, но и использовать их было пока слишком опасно. Да и на ком? Что он, что Марина в принципе чувствовали себя неплохо. Пить сильные обезболивающие, а у него были только сильные, ради борьбы с легкой головной болью или прочей мелочью - по меньшей мере странно. Ну и так далее. В общем - и хочется, и колется, и мама не велит, но уже завтра может оказаться слишком поздно - все испортится.

- Вот эта штука собирает солнечный свет, превращает в крохотные молнии и позволяет их накапливать. Правильное название, как ты понимаешь, тебе ничего не даст. Поэтому я ограничусь описанием смысла. Хорошо? Ну вот и замечательно. Это - емкость для молний. В ней можно их довольно много

накапливать. Относительно, конечно. Шаровая молния или обычная сожжет эту реликвию совершенно. Для них она слишком мала. Вот по этим особым жилам, – показал он провода, – можно молнии переливать, например, из хранилища к световому жезлу или от генератора к хранилищу.

– А это? – указала она на смартфон.

– Это? Хм, – тяжело вздохнул Дмитрий. – Называется эта штука фаблет, и в двух словах не объяснишь, для чего она нужна. Питается, как и световой жезл, молниями, но отличается особой прожорливостью.

– Ты знаешь, как им пользоваться? – удивилась супруга.

– Ты же сама сказала, что меня воспитывали волхвы, – невозмутимо ответил царь, внимательно отслеживая реакции Марины.

Она чуть вздрогнула, видимо осознавая то, что сама говорила. Как-то, видимо, именно этот формат магов и чародеев от нее совершенно ускользал.

– Тут много всего, – сказал Дмитрий, вводя графический ключ. – Но почти все для нас бесполезно по ряду причин. Полностью раскрыть возможности этого приспособления ни ты, ни я не можем. Сейчас и здесь, по крайней мере. Впрочем, это все неважно. Но кое-что интересное в нем имеется. Например, мне удалось найти немного музыки...

С этими словами он воткнул наушники в гнездо. Сел рядом с супругой. Воткнул одну «затычку» ей в ухо, вторую себе. И включил хорошее, академическое исполнение темы из «Пиратов Карибского моря» из заранее созданного плей-листа. Он предусмотрительно оставил только один такой лист, набив красивыми композициями без слов. Остальные остались в библиотеке, но не на виду. По крайней мере, человеку, не знакомому с интерфейсом и принципами управления смартфоном, их практически не найти. Дмитрий подозревал, что рано или поздно придется демонстрировать девайс, вот и подстраховался.

Марина замерла с натурально остекленевшими глазами, боясь пошелохнуться.

Композиция закончилась.

Она робко, дрожащими губами, произнесла:

- Еще... пожалуйста...

Дмитрий улыбнулся и включил не менее эпичную вещь Star Sky группы Two Steps From Hell[25 - С композицией «Star Sky» можно ознакомиться здесь: <https://www.youtube.com/watch?v=cWXZllwAoYY>]. Потом была Phantom of the Opera от Lindsey Stirling, Nothing Else Matters от Apocalyptica и еще с десятков интересных и довольно сложных, но красивых инструментальных композиций. Она была так потрясена и впечатлена, что не желала никак останавливаться. Пришлось волевым решением прекратить вечер музыки под предлогом «низкого уровня молний», дескать, фаблет их слишком много кушает.

Он все выключил и убрал.

Они легли спать.

И Марина долго не могла заснуть, переваривая бурю впечатлений. Объяснение, будто все это – дары волхвов Иисусу, ее вполне устраивало. И она, не самая набожная женщина на планете, искренне переживала о том, какое чудо сегодня произошло. Она прикоснулась к поистине уникальным реликвиям. Это не гвоздь там или наконечник копья. На них можно только смотреть и представлять себе что-то. Здесь же...

Заснула она только под утро. Слишком много было эмоций. Едва успели перегореть. Зато невероятно сладко и крепко...

Глава 6

3 сентября 1606 года, Москва

Минул год с момента избрания Дмитрия на престол Земским собором. Всего год. Ну, с маленьким хвостиком в две недели. А государь уже собрал новый. С людьми, так сказать, посоветоваться да ответственность за принятие решения на них переложить. Удобный способ. Дескать, не злобный тиран в драгоценной

шапке чего-то там умыслил, а Совет всех земель так постановил. Не выгодно им? Так кто же заставлял за то голосовать? Сами себе злобные буратино.

Другой вопрос, что в таких собраниях мало кто и на что может влиять, разумеется, кроме тех, кто их организует. Классика демократии, о которой очень точно говорил Марк Твен: «Если бы от выборов что-то зависело, то нам бы не позволили в них участвовать». Нет, конечно, можно довести до абсурда даже этот фарс и «превратить прекрасный акт альтруизма в дурацкий обмен услугами», как в той же Речи Посполитой, где любой шляхтич, вымогая еще немного денег, мог наложить вето на законопроект и затянуть обсуждение. Но государь решил идти другим путем. Пара столетий мировой практики абсолютно управляемой, послушной, можно даже сказать, ручной демократии не оставляли права на ошибку или благодушную глупость...

В этот раз собралось ровно семьсот семьдесят семь делегатов. Какая-то связь с территориями или структурными образованиями? Нет. Ничего. Строго натягивание совы на глобус. Сколько надо, столько и отмерили. Причем, несмотря на то что все серьезные боярские и дворянские рода были представлены, абсолютное большинство голосов получалось за мелкими служилыми, купцами, ремесленниками и простыми вольными людьми. Выходило довольно занятно. С одной стороны, всех родовитых уважил, а с другой – прокатил по полной программе, поставил в положение абсолютного меньшинства, не способного ни на что повлиять при голосовании. Этот шаг не укрылся от участников. Те же купцы ходили с веселой злорадностью, а родовитые – угрюмые и подавленные.

И не зря.

Дмитрий прекрасно понимал: у него есть совершенно уникальный шанс кардинально изменить историю. Он и так ее уже слегка подретушировал – зуб выбил и ухо разбил. Однако все это мелочи по сравнению с тем, какие невероятные возможности находились в его руках.

При его отце Иване IV Васильевиче держава, традиционно именуемая Россией, завершила тот маневр, который определил ее сущность на последующие пять веков. И Дмитрий с решением рулевых был не согласен.

Нет, конечно нет. Он не считал своего природного отца дураком или вредителем. Отнюдь. Скорее, напротив. Все, что он узнавал здесь об Иване Грозном, рекомендовало его с самой лучшей стороны. И ум, и упорство, и пытливость, и находчивость, и какое-то чудовищное трудолюбие. Он был, безусловно, на своем месте. Прирожденный правитель, волею судьбы оказавшийся у кормила.

Беда была в ином – он опирался на знания, которые не позволяли ему принимать правильные решения. А среда, в которой он вырос, не дала ему шансов своевременно осознать свою ошибку и попытаться исправить.

К середине XVI века системно-идеологическая самоизоляция[26 - Системно-идеологическая самоизоляция (СИС) России тех лет базировалась на двух явлениях. Во-первых, борьба с любым образованием. Иерархи закономерно считали, что оно подорвет крепость веры. Поэтому до середины XVII века в России не было ни одного учебного заведения (не мастерской, а собственно учебного заведения). Даже духовных семинарий. Во-вторых, «Великий китайский файрвол» в исполнении церковных иерархов. Знания и технологии сортировались по источнику их зарождения и массового применения. И если они проистекали оттуда, где вера недостаточно чиста, их безжалостно отбрасывали, считая, что они могут помешать спасению души. Доходило до смешного, когда у магометан учиться было проще, чем у католиков. Не самая разумная стратегия для выживания...] продолжала набирать обороты, почти достигнув своего пика. Самоизоляция в любом формате – штука весьма бестолковая. В радикальном же так и вообще – крайне вредная и деструктивная.

И чем дальше в лес, тем толще получались партизаны.

Само собой, Дмитрий не имел никаких личных предрассудков в отношении православия. Это было вне его парадигмы мышления. Он ненавидел все религии одинаково, не опускаясь до любимчиков. Да, православие играло ключевую роль в формировании и усилении системно-идеологической самоизоляции. И что с того? Вместо него могла быть любая другая религия, подаваемая в формате государственной идеологии, локализованной территориально одним, далеко не самым сильным государством.

Проблема заключалась в том, что при любом столкновении идеологических платформ сильнее всего страдает та сторона, у которой меньше всего земель, денег, знаний, людей и так далее. Иными словами – ресурсов и уровня

технологического развития. И чем дольше длится борьба, тем сильнее она бьет по слабому. Не потому, что плохой или неправый. Отнюдь. Природе вообще такие категории не интересны. Сильнее ему достается только по одной причине – потому что он слабый.

Грустная ситуация. Ибо все равно, кто с кем сражается. Коммунисты с капиталистами или православные с католиками. Бог, при прочих равных, всегда на стороне больших батальонов, как говаривал Наполеон. Единственный выход в свое время показали англичане. Именно в той туманной стране появилось понимание, что, если джентльмен не может выиграть по правилам, джентльмен меняет правила. Отец Дмитрия этого подхода к жизни не ведал. Он честно пытался выиграть в казино по правилам сего мутного заведения. Однако в Большой партии, длиною в несколько веков, это вело Россию от поражения к поражению. Не только и не столько к военным, сколько к социально-политическим и экономическим.

Конечно, кто-то может сказать, что к своему расцвету Российская империя стала территориально самым большим государством мира. Ну, после Британской империи, над которой в те же самые годы никогда не заходило солнце[27 - Британская империя на 1913 год – 31,8 млн квадратных километров без учета антарктических территорий. Российская империя на 1914 год – 21,8 млн квадратных километров. В 1867 году Россия потеряла Аляску (1,717 млн квадратных километров), но это компенсировалось с лихвой присоединением в 1870-е годы Средней Азии.]. Вот только беда в том, что большая часть этих земель в России была непригодна для внятной хозяйственной деятельности. А львиная доля других имела массу специфических особенностей, продиктованных климатом и логистикой. Получилась большая очень земля. Но толку с того выходило чуть. Этакая империя неудобий и буераков. Проблем же оставался полный воз – от транспортных, хозяйственных и экономических до социально-политических и культурных. И учитывая общесистемное отставание от ведущих мировых держав, это сказывалось самым пагубным образом, усугубляя и без того не самую радужную картину.

Дмитрий прекрасно понимал общую диспозицию и пропорции сил.

Могла ли Россия в той системно-идеологической самоизоляции, в которой она пребывала, уверенно конкурировать и решительно побеждать на мировой арене? Нет. Очень непатриотичный вывод. Но Дмитрий и не был патриотом в привычном понимании этого слова. Он не понимал, какой в этом смысл. Для него

патриотизм заключался в любви к Родине. А будет ли человек рад, если его возлюбленная голодная, холодная и грязная устало бредет по дороге? Возможно. Но такими вещами Дмитрий не увлекался. Плетка, strapon, кляп и прочие игрушки его не вдохновляли, как и не возбуждало истязание других. Он предпочитал видеть возлюбленную сытой, ухоженной, здоровой и если не счастливой, то уж точно довольной своей жизнью. И никаких комплексов не испытывал по поводу того, какими способами этого добиваться. Надо забрать у соседа вкусную еду для своей возлюбленной? Значит, надо. Надо научиться у другого соседа тому, как правильно забивать гвозди в бетон, чтобы по-человечески повесить картину в комнате любимой? Не вопрос. Главное – результат. Все остальное – пустая болтовня, детские комплексы и деструктивная рефлексия. Такой уж он был человек.

Выиграть по правилам было нельзя. Ни ему, ни России. Поэтому Дмитрий решил последовать завету Александра Васильевича Суворова, который, как известно, прослыл большим любителем удивлять своих врагов. Все ждут, что он вломится в дверь, ну или, на худой конец, в окно. Но нет – он решительно прыгает в дымовую трубу и, весь перемазанный как черт, атакует растерявшегося и смущенного врага «в штыки». Дмитрий прекрасно понимал, что так нельзя, что так глупо и неправильно. Ведь все, что касается людей и общества, нужно претворять в жизнь постепенно, аккуратно и не спеша. Чтобы не было потрясений. Но государь не был уверен в том, что его дело не заглохнет после его смерти. Вдруг его сын будет идиотом? Или слишком слабым? Или просто окажется заложником положения? Или этот сын вообще не родится? И так далее. Очень сложно планировать дела на столетия вперед, когда не знаешь, что будет завтра. А потрясения? Так для России это была обычная форма существования, и несколько лет погоды не сделают.

– Ты уверен? – нервно покусывая губы, спросила Марина.

– Пути назад нет. Уже нет. Я приказал раздать им все напечатанные тексты.

– Я боюсь... Это все выглядит очень опасно.

– Поверь – так нужно. Мы могли бы прожить с тобой тихо и спокойно, наслаждаясь тем, что греем свои царственные задницы о трон. Жужжание мух, изобилие варенья, мирно пасущиеся глисты, душная благодать церквей и тошнотворный покой, больше напоминающий смерть. Но... разве ЭТО тебе нужно? Разве ТАКОГО ты хочешь мужа?

– Я люблю тебя.

– Верю. Но такого, какой я есть. И чтобы не потерять твою любовь, я должен идти вперед. Идти в бой. Пусть даже это может стоить мне жизни.

– Нам жизни, – поправила его Марина, невольно дернув рукой в сторону уже изрядно округлившегося животика.

– Я понимаю, чем рискую, – произнес он, нежно прижавшись и заглянув ей в глаза. – Мы здесь чужие. Совсем. Нас выжгут дотла. Даже память всю зальют помоями и замажут дегтем перед тем, как похоронить в канаве. Я должен это сделать. Я не смогу быть твоим мужем, если стану отступать и проигрывать. Ты и сама это понимаешь. Зачем такой женщине, как ты, ничтожество?

– Даже не знаю... – покачала головой государыня, изрядно озадаченная такой постановкой вопроса.

Открытие Дмитрием даров волхвов сильно изменило ее отношение к нему. Для себя она решила очень многое, ибо не верила, что столь удивительные реликвии, восходящие ко временам Иисуса, открылись ему просто так. Конечно, она допускала, что волхвы, воспитавшие Дмитрия, могли дать ему похожие поделки. Но это мало что меняло. Этот мужчина был не от мира сего. В его голове были какие-то удивительные знания. Думал он странно, но интересно. Да и вообще... она поняла, что по-настоящему любит его. Это стало для нее открытием. В этом деле многое наслось одно на другое. И личные качества, и обстоятельства, и его отношение к ней. О да! Его бушующая страсть и стала той наживкой, которую она заглотила. В конце концов, он оказался первым видным мужчиной, нашедшим возбуждающей и привлекательной именно ее, а не положение и влияние родичей. Ведь в глазах жителей XVI–XVII веков графиня не казалась красавицей даже близко. Не тот типаж был в моде. А дамой она была амбициозной и личный успех ставила очень высоко. В том числе и в таких делах. Дальше – больше. Впрочем, она все равно не могла понять, на каком этапе перестала мыслить себя без него...

– Скажи мне что-нибудь.

– Что сказать?

– Не знаю, – пожал плечами Дмитрий. – Подумай. Всегда найдется что-то важное для такой минуты.

– Я буду ждать тебя!

– Не то!

– Я очень люблю тебя!

– Не то!

– Я буду молиться за тебя!

– Не надо! – произнес Дмитрий. Здесь и сейчас она сдавала очередной экзамен на профпригодность. Пройдет ли? Марина вздрогнула и отшатнулась – видимо, что-то такое отразилось у царя на лице, проявив его мысли. Но этот ее испуг продлился лишь мгновение. А потом в ее глазах сверкнул какой-то бешеный, дикий азарт, и она произнесла:

– Иди и надери им задницы[28 - Этому выражению она научилась у Дмитрия, который при близком общении прямо-таки сыпал анахронизмами.]! Я жду тебя с победой!

– Вот! – довольно воскликнул Дмитрий и страстно поцеловал жену в губы. – Спасибо!

После чего развернулся и уверенным шагом пошел к арене импровизированного амфитеатра, что вновь выстроили на Соборной площади. Делегаты и гости съезда уже гудели. Пора было выступать с речью – наверное, самой провокационной речью последнего тысячелетия!

Глава 7

3 сентября 1606 года, Москва

Людам только успели раздать какие-то «кирпичи» с дивными печатными буквами, которые даже не пытались стилизовать под рукопись... и тут вышел Государь. Все сразу закрыли книги и с должным благоговением уставились на царя...

– Свобода! Равенство! Братство! – произнес Дмитрий свои первые слова с импровизированной трибуны, с ходу эпатуруя зрителей. – Вот фундамент, на котором нам должно строить нашу державу. Нашу! Одну на всех! Одну для всех!

Он замолчал, выдерживая маленькую паузу, отслеживая реакцию людей. Едва сдержался от усмешки, ибо с трибун на него смотрели ТАКИЕ лица...

– Свобода есть право каждого делать все, что он пожелает, кроме прямо запрещенного или вредящего окружающим, и прежде всего делам державным. Равенство есть принцип, при котором должности и посты должно занимать сообразно способностям и навыкам, без каких-либо глупостей в духе местничества и оправданий благородным рождением. Братство же состоит в стремлении жить в согласии с окружающими и сообща строить величие нашей единой державы!

Дмитрий вновь сделал паузу.

Тишина была настолько жуткой, что казалось, мухи попадали в обморок, прекратив жужжать. Про то, что большинство делегатов и гостей излишне увлеклись задержкой дыхания, и речи не шло. Эти выпученные мордочки говорили все сами за себя. В этот раз государь не удержался и едва заметно усмехнулся. Да и чего бы им такими не быть? Ведь он только что озвучил концепт, зародившийся в недрах Великой французской революции и проявивший себя ярче всего в период империи Наполеона. Только что на Соборной площади Московского Кремля прозвучали идеи, которые только-только стали произрастать в умах людей, еще не оформившись в нечто явное и ясное. Просто на уровне смутных ощущений и переживаний. Они опережали время на полтора – два столетия! И особенно карикатурным выходил в данном контексте оратор – монарх. Монарх, Карл! Не он должен такие речи говорить. Совсем не он...

– Сложная задача! Великая цель! – продолжил Дмитрий. – Для ее достижения я предлагаю вам пять новых принципов державы.

По рядам прошел шелест – люди наконец вздохнули.

– Первое! Управлять державой надлежит считаясь с широким общественным мнением. Держава наша – общее дело. Второе! Не делать различий между высоким и низким происхождением. Вы все мои подданные. Третье! Судить только по делам, стремлениям, разумению и поступкам. Ибо так, и только так предписывает нам Святое Писание. Четвертое! Безжалостно отказываться от всего, что мешает нам идти вперед и развивать державу. Ибо она важнее любых мелких и ничтожных желаний, страхов и слабостей. Пятое! Непрестанно учиться у тех, кто смог превзойти нас в чем-либо. Ибо гордыня – смертный грех. А учение есть свет, открывающий шаг за шагом нам замысел Создателя!

Он ничего нового не придумал, для себя... для позиции XXI века. Просто взял и прикрутил прекрасно сработавший принцип императора Мэйдзи к такому же неплохо проявившему себя методу идеологической провокации Великой французской революции. Просто. Банально. Пошло. В переводе на русский язык и местные реалии, разумеется.

Окинул всех взглядом.

И, выдержав большую театральную паузу, он поинтересовался:

– Любы ли мои слова вам?

– ДА!!! – оглушительно взревела толпа. Бояре и родовитые пытались что-то там возражать, но правильно подобранный контингент делегатов просто не оставил им шансов. Эти недовольные просто захлебнулись в восторженном реве.

– Хотите ли вы встать на этот путь?

– ДА!!! – вновь заревела толпа, еще громче.

И тут включился Петр Басманов – один из немногих посвященных в готовящуюся провокацию. С вечера он зачитал речь Дмитрия перед пехотной бригадой – личной армией государя. Взял с них клятву – молчать до условного момента... Теперь же он вышел вперед. Извлек шпагу из ножен. Вознес ее к небу и громко крикнул, как толпа чуть-чуть поутихла:

- Да здравствует государь император!

Мгновение.

И преторианцы, гренадеры и штурмовики, обеспечивающие безопасность Земского собора, синхронно извлекли клинки, устремляя их к небу.

Еще пара ударов сердца.

И они вслед за Петром кричат:

- Да здравствует государь император!

Тишина.

Басманов демонстративно вздыхает, набирая воздух в грудь, и уже не только он с охраной, но абсолютное большинство делегатов и гостей ревут:

- Да здравствует государь император!

Дмитрий глубоко кланяется и уходит в сопровождении десятка преторианцев. Со спокойным и торжественным лицом. Первый этап его провокации удался.

А за его спиной люди, превратившиеся в толпу, скандировали здравицы «государю императору». Пусть. Так даже лучше. Разве один человек может пойти против толпы? Старый, хорошо проверенный способ. Все диктаторы-популисты его использовали. Главное теперь в факельные шествия не скатиться и прочие подобные технологии манипулирования толпой...

Конечно, Дмитрий понимал, что ни одна из серьезных держав не примет ни его нового титула, ни его программы. Будет война. Против всех. И со своими боярами придется рубиться. И с интервентами. Именно поэтому он так одержимо модернизировал и совершенствовал свою пехотную бригаду. Ибо с ней ему придется прокладывать дорогу новому миру. Именно поэтому он так стремился повысить стойкость кремля в обороне. Ибо здесь его будет ждать его жена с ребенком.

Был ли он идеалистом, действительно верящим в восторженную романтику революции? Нет! Нет! И еще раз нет! Он просто знал, что миру нужна Земля обетованная. Чтобы волна переселенцев захлестнула Россию, страдающую от недостатка рабочих рук. От недостатка населения. Чтобы она ассоциировалась в головах у людей с новым миром, открывающим перед каждым человеком возможность. Землей, дающей шанс.

- Рубикон перейден[29 - Рубикон перейден - высказывание, означающее, что дороги назад больше нет. Сказал Гай Юлий Цезарь это, по легенде, когда перевел свои легионы через реку Рубикон, решив стать императором. Эта река была барьером, за который легионы не могли заходить без разрешения Сената.], - тихо прошептал он сам себе.

Ни бояре, ни простые люди никогда не забудут услышанных слов. И не просто услышанных, но и напечатанных. Русское царство просто не сможет больше идти тем путем, что ей предначертали обстоятельства в прошлом. Скорее ее разорвет на тысячу маленьких медвежат, чем получится держаться прежнего курса. В реальной истории весь XVII век был полон крестьянских восстаний и войн, до основания шатающих державу. И это при том, что у этих бунтарей не было никакой внятной программы. Обычный русский бунт - бессмысленный и беспощадный, который, в сущности, ничего не хочет менять. Выпить, побузить, сломать чего-нибудь, сжечь, да по домам. Теперь же... с программой, целью и ориентирами, они камня на камне не оставят, если вовремя поднимающуюся волну не оседлать и не накинуть уздечку...

Риск был велик.

Именно поэтому подготовка к Земскому собору шла в строжайшей тайне. Только самые доверенные люди были привлечены к его подготовке. Узнай кто из бояр хотя бы о тексте речи - все, конец. Они бы костями легли, чтобы сорвать собор. И ведь там основную опасность представляла не только и не столько речь, а прежде всего конституция, названная «Державным уставом», и несколько уставов специализированных, таких как монарший, уголовный, торговый и прочие. Они меняли весь старый мир царства. Например, устанавливалось единое экономическое пространство без каких-либо внутренних таможенных кордонов. Для купцов это было тем, о чем они не могли даже мечтать. Ибо открывало перед развитием торговли просто невероятные возможности и перспективы.

И прочее, прочее, прочее.

Дмитрий не был юристом.

Это сильно мешало. Но на фоне того формата крайне запутанных, неудобных и странных правовых отношений, что имели место в самом начале XVII века, его кривые поделки выглядели откровением...

Он подошел к крыльцу, где стояла Марина.

По ней было видно: женщине страшно. Очень. Ведь совсем рядом натурально редела толпа. Но она держалась.

– Мой император, – произнесла она, сделав книксен, когда государь к ней подошел достаточно близко.

– Восстание зла началось... – еле слышно шепнул ей на ухо Дмитрий, подойдя и приобняв.

– Что? – с легким ужасом в голосе переспросила супруга.

– Не переживай. С нами Бог. А значит – победим. Ты же знаешь, добро всегда побеждает зло. То есть тот, кто побеждает, – и есть добро, кем бы его до того ни считали.

– Любишь ты такие выверты, – усмехнулась Марина.

– Конечно, моя императрица, – произнес Дмитрий, подмигнул ей и, подхватив под руку, направился в палаты. На улице сейчас было довольно опасно. Отчаявшиеся бояре могли вполне совершить глупость. Требовалось время, чтобы они осознали свое положение и разбежались из столицы, дабы не попасть под горячую руку сумасшедшего реформатора...

29 ноября 1606 года, Москва

Муцио Вителлески въехал по первому снегу[30 - Снег в ноябре был нормален в те годы, ведь на дворе был практически пик Малого Ледникового периода.] в Москву с изрядной задумчивостью и настороженностью...

Он едва смог уговорить Папу[31 - Павел V (1552-1621) стал 233-м Папой Римским, правил с 16 мая 1605 по 28 января 1621 года. В миру именовался Камилло Боргезе. По образованию и профессии был юристом, по характеру был строгим и непреклонным. Боролся с тезисами Коперника и Галилея о гелиоцентрической системе. Оказывал особую поддержку орденам капуцинов и иезуитов. Поддерживал миссионерские программы в Конго, Парагвае и Японии.] передать мощи Святого Дмитрия Солунского в дар Московскому престолу. Какие только байки не рассказывал! Что только не обещал, ссылаясь на прозрачные намеки! Зачем? Не ясно. Если государь с улыбкой примет мощи и скажет просто «спасибо», это же будет совершенным крахом его карьеры! Одно хорошо – остальные иерархи ордена поддержали его всемерно. Их тоже заинтересовал странный и необычно образованный аристократ. В Дмитриии было столько загадок. Он прямо-таки манил их с невероятной, чудовищной тягой. Собственно, из-за того, что весь орден иезуитов выступил единым фронтом, Святой престол и уступил. Подробностей даже Папа расспрашивать не стал, но всем стало ясно: это какая-то их игра, сложная, путаная и непонятная большей части клира.

Муцио тогда выдохнул.

Одна из самых сложных задач, за которые он когда-либо брался, удалась на славу. Павел V подписал все необходимые документы. И иезуиты устремились в аббатство, дабы как можно скорее изъять мощи. А то мало ли? Всякое бывает. Конкуренция между орденами иной раз творила чудеса.

Отбили. Собрали караван. И выдвинулись через Священную Римскую империю и Речь Посполитую с миссионерской миссией в дикую Московию. Однако уже у Орши Муцио сильно встревожился. Ведь там оказалось несколько купцов из Москвы, которые говорили ТАКИЕ вещи, что у итальянца волосы становились дыбом. Понятное дело, что болтать можно всякое, но...

Перешли границу и вошли в Смоленск, где пришлось простоять пару дней. Голубиной почтой им даровали право пройти к Москве. И для порядка

приставили сопровождающих. Да не из государевой службы, а по линии патриархата.

Пока ехали – общались.

И чем больше этот дьяк рассказывал итальянцу, тем сильнее тот смущался. Он просто не понимал, что и зачем делает этот безумец. Но безумец ли Дмитрий? Или, может быть, местный православный клир что-то недопонял?

И вот Москва.

Государь император не выехал его встречать. Странно, но терпимо. С одной стороны – посланник Святого престола, который на Руси не в чести. Но с другой – он везет мощи небесного покровителя Государя. Весьма почитаемые и очень древние. Некрасиво. Не каждый день такие подарки делают. Впрочем, вместо него выступил уже старенький и больной патриарх. Хоть что-то.

Усталый, измученный взгляд. Понурые плечи. Вид у Иова был такой, словно он только что вышел из каменоломен.

Несколько вежливых фраз.

И вот они двигаются дальше в тишине по улицам довольно странного города...

С подачи Дмитрия на нескольких точках в Москве ежедневно шло зачитывание уставов и их обсуждение. Так что они, как говорится, «пошли в массы» и породили целую волну бурных эмоциональных реакций. Прямо-таки болезненное, лихорадочное оживление всего и вся. Местничества больше не было. Крепостного права больше не было. Никаких форм личной зависимости больше не было. А главное – ничто теперь не мешало любому простолюдину подняться до самых высоких этажей государственной машины. Чернь ликовала! Но радовалась не только она. Мелкие дворяне и служилые, ремесленники и купцы... все те, кто раньше был отрезан от власти и надежды на решительный успех, оказались воодушевлены.

Конечно, с введением новых законов мало что изменилось по факту. Необразованный бестолковый босяк из канавы все так же не мог стать

канцлером. Но теперь ему этого никто не запрещал явно. Учись, трудись, старайся – и у тебя есть шанс! Бред, конечно. Вероятность такого поворота событий совершенно ничтожна. Однако не в этом суть. Главное – Дмитрий дал людям мечту и надежду. Каждому.

К исходу первой недели информация о глобальных реформах выплеснулась за пределы столицы и буквально вскипятила города. Понимая, что чиновники могут затормозить, исказить или саботировать распространение информации, Дмитрий сделал ставку на купцов. Ведь государь император упразднил все внутренние таможи! Только за это они должны были его носить на руках. Так что раздал им образцы текстов, сопроводительные письма да отправил с Богом по городам и весям.

Общесистемный конфликт интересов внутри державы стремительно нарастал.

Поначалу разбежавшиеся из Москвы бояре да родовитые дворяне вернулись в город и проявляли демонстративную лояльность. Что выглядело откровенно угрожающе.

Патриарх пытался хоть как-то спасти положение.

Беседовал. Уговаривал. Выспрашивал. Угрожал. Чего он только не делал, чтобы примирить стороны! Но все тщетно. Никто из родовитых не посмел выступить открыто. Пока. Откровенных дураков среди них не было. Все улыбались, не желая делиться планами. Дескать, они самые верные и преданные сторонники Государя. Даже Дмитрий лишь улыбался как-то загадочно и продолжал держать паузу...

И вот прибыл иезуит.

На фоне творящегося кошмара это показалось чем-то добрым и светлым. Ведь он привез такой интересный дар...

– Что думаешь, отче? – поинтересовался Дмитрий у патриарха Иова, когда таки удостоил Муцио приема и выслушал его просьбу. – Примем ли подарок?

– Как не принять? – удивился он. На Руси не было столь древних мощей, и это позволяло бы изрядно поднять репутацию собственно Московского патриархата. Особенно в противостоянии с униатами и прочими противниками из Великого княжества Литовского.

– А как быть с просьбой? Откажем?

– Надо бы. Но отказывать будет крайне некрасиво... – покачал он головой. – Нельзя принять мощи и отказать в просьбе.

– Почему?

– Как – почему? Кем мы после этого будем выглядеть?

– Теми, кто принял подарок.

– Маленький храм им можно позволить построить. Хотя пускать этих злодеев в пределы державы – опасно.

– И в чем опасность? – продолжал прикидываться дурачком государь.

– Так ты что, разве не понимаешь? – неподдельно удивился Иов.

– А ты забыл наш разговор? – хитро усмехнувшись, произнес Дмитрий, давая понять, что юродствовал. – Неужели твоя вера так слаба, что ты боишься ее проверить делом?

– Ты прав, государь, – после довольно долгой паузы тихо произнес патриарх. А потом достаточно громко, чтобы услышали все в Грановитой палате, добавил: – Я не возражаю, если иезуиты поставят маленький храм в Немецкой слободе, дабы католики могли справлять службу. Грешно держать их без причастия годами. Тем более после такого подарка.

– Если патриарх не возражает, то как я могу отказывать? – улыбнувшись, произнес Дмитрий. – Патриарх о том напишет три грамоты: по одной мне, ему и вам. Подпишет. А я заверю. От себя же хочу добавить: вам надлежит поставить хорошую, добротную каменную церковь на берегу реки Яузы, да с большим

органом. На триста шагов в обе стороны одеть эту реку в каменную набережную. Замостить площадь вокруг церкви на двадцать шагов. Поставить там масляные фонари и держать их в темное время зажженными. Проложить две мощенные камнем дороги: одну – сквозь Немецкую слободу, вторую – до Москвы-реки. Да мост там каменный поставить, через Язу, чтобы к Троицкому храму[32 - Троицким храмом назывался в те время храм Василия Блаженного.] ходить по нему и ездить. Все это вам надлежит сделать на собственные деньги. Святой престол такой вариант устроит?

Муцио внимательно посмотрел на государя и едва сдержал улыбку. Задумку Дмитрия он разгадал с ходу. Так уже сложилось, что «архитектурный стиль» этой большой деревни под названием «Москва» он успел оценить. А потому сыграть на контрасте и постараться показать католичество в выгодном свете посчитал весьма разумным ходом. Да, придется заплатить, и не так чтобы мало. Но Дмитрий заранее намекал на это еще там, в Смоленске. Тем более что иного способа закрепить здесь Святой престол пока не видел. Как оно там потом обернется – не ясно. Однако это шанс. И немалый. Так что, сделав скорбное лицо, Муцио выдавил:

– Да, государь.

Патриарх же был настолько замучен текущими делами, что даже не заметил этой игры. Мало того – ему понравилась идея государя императора за счет иезуитов украсить город. Построят. Потом обязательно полезут в интриги какие. Вот и повод будет их выгнать. А крепкая каменная церковь, которую можно и патриархату забрать, да набережная с фонарями и дорогой мощеной останется.

Кроме того, Иов уже вдоль и поперек перечитал все законы, что сочинил государь император. А потому прекрасно понимал, что Дмитрий самым очевидным образом хочет наполнить Священный синод. Да, председателем там значился патриарх. Однако председателем над кем?

Прием закончился.

Все разошлись.

– Друг мой, – устало произнес Иов, поймав Муцио уже на улице, – я хотел бы с тобой поговорить. Это очень серьезно.

- Я слушаю, - покладисто кивнул итальянец.

- Не здесь. Приходи вечером на мое подворье. Откушаем. Поговорим. Дело очень важное и серьезное.

- Оно касается прозелитизма[33 - Прозелитизм - стремление обратить других в свою веру, а также деятельность, направленная на достижение этой цели.]?

- Если бы, - грустно усмехнулся Иов и, кивнув на прощание, пошел своей дорогой.

Глава 9

1 декабря 1606 года, Москва

Муцио был потрясен до глубины души тем, что творил этот коронованный безумец. Теперь он не сомневался: трезвый человек таких дел не закрутит. Это надо же? Взял и поднял против себя практически всю высшую аристократию!

Удивительно, как легко и просто он понял местного патриарха. И не только понял, но и нашел с ним общий язык. И вот сейчас они вошли в небольшую комнату, где на мягком диване сидели государь император с супругой, недавно родившей, но уже вполне активно бегавшей за ним хвостиком. Эдакие приятели - не разлей вода, только еще и постель делят. Смеются над какими-то своими шутками. Обсуждают одним им понятные вещи. Странные и непонятные отношения для Муцио. Он к такому взаимоотношению полов просто не привык. Впрочем, не важно. Им с Иовом предстояло, выступив общим фронтом, убедить Дмитрия попытаться пойти на примирение с аристократией.

- Присаживайтесь, - мягко улыбнувшись, произнес Дмитрий.

- Государь... - начал было говорить патриарх, но государь оборвал его жестом.

- Я не собираюсь мириться с аристократией, если ты этого хочешь.

- Но почему?

- Так нужно.

- Но ведь это ведет державу в хаос!

- Софья Палеолог ввергла державу в хаос! - возразил Дмитрий. - А я пытаюсь вывести!

- Что?! Кто?! Но почему?

- Кто подбил моего прадеда на дурные реформы[34 - О военных реформах Ивана III - Ивана IV и их последствиях можно почитать в приложении.]? Начал прадед - закончил отец. Как итог - катастрофа Ливонской войны. Или ты забыл, почему нам пришлось ее прекратить? Я напомню. У нас просто кончились «негры».

- Кто?! - хором переспросили иезуит и патриарх. Они прекрасно знали, что негры - это темнокожее население Африки, а потому не поняли, какая связь между неграми и Москвой.

- Не берите в голову. Заговорился. У моего отца закончились возможности верстать новых стрельцов и поместных. Люди кончились. Мы понесли поистине катастрофические потери в живой силе! Сколько конкретно - сказать сложно. Но от двухсот до двухсот пятидесяти тысяч крепких, здоровых мужчин, которые ой какгодились бы и на пашне, и в мастерских. А сколько жен потеряло кормильцев? А сколько невест - женихов? А сколько потрачено денег и прочих ценностей? Сколько изготовлено и оставлено на полях оружия, обмундирования и прочего имущества? Это поражение стало для державы настоящей катастрофой!

- Я не понимаю тебя, - покачал головой патриарх. - Как твоя прабабка оказалась виновной во всем этом?

- Она подбила прадеда на дурные реформы. Например, вместо совершенно бестолкового поместного ополчения у нас была бы кавалерия не хуже польских крылатых гусар. Или ты не знаешь, кто разбил Мамай на Куликовом поле? Княжеские да боярские дружины! По своему снаряжению, лошадям, выучке и

приемам боя они были на уровне крылатых гусар. А возможно, и выше. Но мы похерили их всецело. И перешли к бестолковой кавалерии, организованной по древнему византийскому образцу, устаревшему на множество веков... Да что и говорить об этом, если Карл Мартер привел на битву с арабами при Пуатье войско, организованное таким же образом? Почти тысячу лет назад...

- И только это? - хмуря лоб, поинтересовался Иов.

- Отнюдь. Это только один из эпизодов. Поражение в Ливонской войне и последующий тяжелый кризис не стали неожиданностью. Но прямым следствием того, какой дорогой мы шли. Все мы. И особенно бояре... ненавижу их. Они настолько прогнили и деградировали, что вызывают у меня только омерзение. Люди и так после всей этой катастрофы жили кошмарно. Сильно голодали. Так эта дрянь бросилась из них последние соки сосать, усугубляя и без того чудовищное положение дел, вгоняя державу в полное и окончательное расстройство! Ненавижу. Ненавижу! НЕНАВИЖУ!!! Твари! Безмозглые твари! Они не понимают, что любая держава стоит на плечах своих пахарей и ремесленников. И чем крепче эти плечи, тем благополучнее держава. И, в том числе, они. А они в своей безумной жадности готовы были все по миру пустить!

- Государь, - вкрадчиво произнес иезуит, несколько потрясенный такими словами, - мы хотели бы помочь в твоём деле, но не понимаем замысла. Не мог бы ты нам его объяснить?

- Быть может, вы не понимаете замысла, потому что так и задумывалось?

- Но...

- Seriously, - перебила его Марина. - Почему Дмитрий должен вам доверять?

- Но тебе он доверяет? - лукаво поинтересовался Муцио.

- Доверяет, - усмехнулась государыня, - но лишь потому, что, если умрет он, за ним следом последую и я. Мне не выгодно его предавать. А вам?

- Я лишь пекусь о благополучии державы, - возразил Иов, разведя руками.

– Верю, – охотно согласился Дмитрий. – Но что будет, если ты поймешь: наши взгляды в этом вопросе разошлись?

– Постараюсь тебя переубедить.

– А если я не поддамся уговорам?

– Я... не знаю, – как-то подавленно ответил Иов. – Наверное, продолжу свои попытки.

– Не лукавь, – холодно произнес Дмитрий. – Ты предашь меня. Признайся, ведь ты считаешь, что я сошел с ума?

– Нет, что ты!

– Неужели тебе так страшно признаться? – оскалился государь.

– Хорошо, – примирительно произнес Муцио. – Мы не хотим знать твоих планов.

– Что? – удивился Иов.

– Не хотим, – с нажимом произнес иезуит. – Наш интерес выглядит подозрительно. И если допустить, что мы тебе враги, то делиться с нами планами – фатальная ошибка. А никаких способов узнать, на чьей мы стороне, пока не случится задуманное, невозможно.

– Я рад, что ты это понимаешь, – довольно мягко произнес Дмитрий.

– Но то, что ты сделал... признаться, я не понимаю тебя. Зачем? Что тобой двигало? Неужели только чувство мести? Ты же установил такие жуткие законы, что я и помыслить не могу.

– Друзья, – примирительно произнес государь, – я понимаю ваше беспокойство. Но доверьтесь мне. Чего вы боитесь? Что меня убьют? Так Земский собор выберет кого-нибудь еще. Вон Михаил Романов – прекрасный кандидат. В голове так пусто, что аж звон стоит... колокольный. Нерешителен. Глуп. Что может быть лучше для монарха? Он вернет все к старине. Ну, как сможет. Шапку

Мономаха-то и прочие старые наряды я уже совсем в дело пустил. Но как-нибудь управится. И продолжит трудовой подвиг моего блаженного брата. И ты, отче, получишь то, чего так страстно желаешь, – тишь, да гладь, да божью благодать. Ну, на сколько-то лет.

– А ты разве этого не хочешь?

– Упаси Боже!

– Что?! Но почему?

– У народа хань, проживающего в державе Мин далеко на востоке, есть проклятие: «Чтобы тебе жить в эпоху перемен!» Они считают, что это самые грустные и тяжелые годы. Но я так не считаю. На мой взгляд, эпоха перемен – самая замечательная пора. Королеве Англии Елизавете приписывают высказывание, которое точнее всего характеризует эту эпоху. Звучит оно так: «Когда надвигается буря, каждый действует как велит ему его природа. Одни от ужаса теряют способность мыслить, другие бегут, а третьи – словно орлы расправляют крылья и парят в воздухе». Звучит, не правда ли? Может быть, дело в природе этого народа хань?

– Ты думаешь? – задумчиво задал риторический вопрос иезуит.

– Почему нет? Ты думаешь, викинги хоть чего бы достигли, если бы сидели и млели от покоя? Да чего далеко ходить? Конкистадоры! Горстка безумцев бросилась через Атлантический океан и завоевала целых два континента!

– И многие из них погибли, – назидательно заметил Муцио.

– Все мы смертны, – безразлично пожал плечами Дмитрий. – Сколько живет простой селянин? Лет двадцать пять – тридцать? Счастлив ли он в спокойной жизни? Тяжелый труд, голод, холод, лишения, боль, унижения... вот, в общем-то, и вся гамма его житейских радостей. Еще есть женщины и вино. Но по любви он себе позволить жениться не может. Ведь за него все решает отец. Какая радость от жизни с женщиной, которая тебе противна? Что же до вина, то... много ли он его себе может позволить? Ведь он беден... Нравится вам эта сказка?

- Такова жизнь, – грустно пожал плечами патриарх.

- Если ее не менять. Если не пытаться наше «завтра» сделать лучше, чем «вчера». Всеми силами. Конечно, с людьми трудно. У них всегда сначала штаны дырявые, а потом бриллианты мелкие. Но как по мне – это неплохо. Такими нас сотворил Создатель. Что скривились? Или вы считаете его криворуким недоучкой?

- Что?! Нет! – хором ответили иерархи, вскинувшись.

- Хорошо, – произнес с холодной улыбкой Дмитрий. – Ступайте. И если вы союзники мне – посидите тихо. Ах да, Муцио, чуть не забыл. Я планирую перестраивать Успенский собор. Он слишком мал и неказист. Мне бы очень пригодился хороший архитектор. Дерзкий, но толковый. Ты не мог бы мне такого порекомендовать?

- Я напишу своим друзьям. Возможно, они смогут кого-то присмотреть.

- Буду благодарен.

Иерархи встали и, поклонившись, направились к двери, где, выходя, услышали едва слышный шепот Марины:

- Почему ты не хочешь им сказать про дары?

Они резко обернулись с очень напряженным видом.

Дмитрий недовольно скосился на Марину, а потом, прямо и очень жестко посмотрев на иерархов, произнес:

- Потому что Мельхиор[35 - Мельхиор – имя одного из волхвов (магов), что принесли дары Иисусу.] просил не спешить. А они еще не готовы.

- Дары? – попытался продолжить разговор Муцио, но государь не проронил ни слова, окинув его давящим взглядом. Впрочем, отвечать было и не нужно. Фантазия иезуита, думавшего все эти дни над причинами крайне странных поступков царя, сработала безупречно. – Дары? Мельхиор? О Боже! Ну конечно!

- Ступайте, - с нажимом повторил Дмитрий.

И два ошарашенных иерарха, поклонившись, вышли. И если иезуит буквально кипел от переполнявших его чувств и эмоций, то патриарх откровенно завис. Во-первых, он банально не знал имен, принятых в латинской практике для обозначения волхвов. А во-вторых, как-то не провел нужных ассоциаций у себя в голове... Для него все сказанное Дмитрием было бессмыслицей. Впрочем, ненадолго. Муцио уже через несколько минут все ему расскажет...

- Думаешь, их проняло? - поинтересовалась задумчиво Марина. Она ведь не случайно проговорила, а вполне нарочно.

- Проняло. Мне даже интересно, как они теперь будут виться и что танцевать. Будет забавно, если объявят еретиком или пособником дьявола. Хотя на это они вряд ли пойдут, хотя бы потому, что это им не выгодно. Обоим. Муцио ладно. Без году неделя на Руси - ни влияния, ни связей здесь нет. Но Иов - он да, он станет теперь куда покладистей.

- Ты же понимаешь, что теперь дары нужно будет показать?

- Да. Понимаю. Но покажу только после войны. Если переживут. Очень надеюсь, что теперь, пусть и на время, они прекратят мне мешать из благих побуждений.

Марина посмотрела на него напряженным взглядом. Вздохнула. И, подтянув ноги на мягкий диван, прижалась, словно кошка.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Приложения

1

Послушать, как звучит Имперский марш, можно здесь –
<https://www.youtube.com/watch?v=qRI955IDWrs>

2

Мушкетон представлял собой карабин с довольно коротким стволом большого калибра. Стрелял картечью на небольшое расстояние. Применялся для боя накоротке: зачистка помещений, abordаж, штурм укреплений.

3

Ежи Мнишек (1548–1613) – граф, крупный польский государственный деятель, сын Николая Мнишека – дворянина, вышедшего из Тешинской Силезии. К 1600 году клан графов Мнишек контролировал практически все крупные города Великой и Малой Польши. Чтобы лучше понять его положение, достаточно представить, что Юрий Лужков сидит в Москве на посту мэра, а во всех остальных крупных городах России этот пост занимают его братья, дети, племянники, зятья и прочие родичи. Какова будет его власть? Формально небольшой. Фактически – настолько огромной, что ни один президент не сможет ничего с ним сделать. Примерно в таком положении и находился клан Мнишек. Нетрудно предположить, что, имея фактическую власть, они стремились ее оформить во что-то более формальное. Например, в царскую корону...

4

Матерью Василия II Васильевича «Темного» была Софья Витовтовна – единственная дочь Великого князя Литовского Витовта из дома Гедиминовичей. Василий II приходился Дмитрию прапрадедом.

5

В январе 1574 году на Сейме избрали королем Польши и Великим князем Литовским Генриха Валуа. Однако уже в июне 1574 года он сбежал во Францию, не перенеся польского гостеприимства. Шутка, конечно. Основной причиной бегства стало наследование Французского престола, который был значительно более ценным и значимым, чем Польский. Что понимали и в Польше, не желая отъезда своего короля. Поэтому тому пришлось бежать тайно.

6

Пршемысловичи – первая княжеская и королевская династия Чехии. Династия правила Чехией с 872 по 1306 год.

7

Марина Мнишек не считалась местными жителями красавицей, потому что в моде были пышные формы и жиры, так характерные для красавиц барокко. А она была стройна, не вписываясь в эту парадигму. Кроме того, ценились нежные, кроткие женщины, а Марина была страстной, бойкой стервой, что опять-таки не добавляло ей красоты в глазах местных мужчин. Однако Дмитрию она очень приглянулась и внешностью, и голосом, и характером, оказавшись «косплеем» ведьмы Йеннифэр из Венгерберга из франшизы компьютерных игр «Ведьмак». Темная, опасная, ядовитая красота. Она манила и пугала одновременно.

8

12-фунтовые «Единороги» Дмитрий ввел для стрельбы ранними картечными гранатами, позволяющими радикально поднять огневую мощь своей армии в полевых сражениях. Ну и обычными фитильными гранатами, для обстрела укреплений.

9

Драгун Дмитрий вырядил в духе классических гусар, только вместо рейтуз выдал галифе в цвет мундира, а вместо кивера – кубанку. Вооружены карабином, двумя тяжелыми пистолетами, кончаром и шпагой. Плюс лошади линейных пород, как и у кровавых гусар. Но задачи не натиск на поле боя, а разведка, патрули, охрана на марше и преследование противника. Бой в пешем порядке для нее не предусматривался по уставу. Вышли не совсем драгуны, но Дмитрию это было и не принципиально, ведь вкладывать в название можно разное содержание.

10

Обрезали по длине, калибровали плоским сверлом, обрабатывали снаружи для приведения к общему виду и габаритам. Полировали канал ствола. Цементировали канал ствола (забивали пылью березового угля и несколько часов прокаливали). Припаивали мушку, целик и фиксатор штыка.

11

Фактически – вариант распределенного конвейерного производства, резко повышающего удельную эффективность труда, автоматически снижая планку

квалификации мастеров.

12

Brown Bess – знаменитое английское ружье. Оно находилось на вооружении больше столетия (1722–1838), а в колониях – еще дольше. Отличалось в целом удачностью конструкции и компоновки.

13

Андрей Чохов (1545–1629) – выдающийся русский мастер пушечных и колокольных дел, литейщик. Создал Царь-пушку, отлил большинство тяжелых орудий в Русском царстве конца XVI – начала XVII веков. Сдружился с Дмитрием еще в 1604 году, когда Дмитрий заказал у него 3-фунтовые «Единороги», изготовленные по методологии системы Грибовалея. Дмитрий смог заинтересовать Андрея свежими сведениями по металлургии, они стали часто общаться, а потом и вообще сдружиться, может, и не сдружились, но приятелями стали точно.

14

Речь идет о повозке типа «ландо».

15

Порядок венчания на царство был изменен в 1605 году по настоянию Дмитрия. Теперь сначала проводили обряд миропомазания, а потом возлагали корону, а не

наоборот, как было на Руси принято согласно византийской традиции. Дмитрию это было не принципиально. Но поменять что-то было нужно, раз настоял. Он-то надеялся, что откажутся, но не вышло.

16

Шавл Юдич Валь (1545–1617) – один из наиболее уважаемых евреев Речи Посполитой тех лет. Родился в Падуе (Италия, республика Венеция). Раввин и банкир. Был на очень хорошем счету у Стефана Батория и многих влиятельных магнатов.

17

В те годы община евреев в Речи Посполитой была второй по численности после общины в Османской империи и насчитывала около 1,5 миллиона человек. Руководство этой общины обладало возможностью привлечь для дела довольно большие деньги.

18

У Дмитрия была корона – вариант короны Кайзера Вильгельма II. У Марины – вариант короны императрицы Евгении. Только в обоих случаях бриллианты за их неимением заменили корундами (рубинами, сапфирами и изумрудами). Разумеется, обе короны исполнялись в стилистике, а не в точном подражании из-за ряда ограничений, в том числе и из-за невозможности дать ювелирам точный эскиз или чертеж.

19

Система подзарядки этих смарт-часов Sequent работает за счет движений запястья руки. Вкупе с предельной экономией расхода электроэнергии (нет ни одного дисплея – только стрелки и один экономный диод) это дает практически «бесконечную» автономность. У Дмитрия была лимитированная версия из «нержавейки» с конденсаторными аккумуляторами и блоком солнечных батарей под циферблатом. Без надписей. На всем аппарате был только маленький, едва заметный логотип. Дмитрий предпочитал следовать новой моде и избавлялся от любых лишних надписей и брендовых изображений.

20

Ему попалась композиция испанской рок-группы M?go de Oz под названием Vodka'n'roll, с которой можно ознакомиться тут: <https://www.youtube.com/watch?v=dapK0eqVQQU> Довольно стебная, шутливая композиция, случайно затесавшаяся в его подборку. Но сейчас это не имело никакого значения.

21

Quod licet Jovi, non licet bovi – старинная пословица на латыни, переводится как «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку».

22

Известная притча о сокровище Иисуса Христа в Евангелии от Матфея. Обычно ее трактуют весьма аллегорично.

23

Древним халдейским языком Дмитрий назвал клинопись аккадского языка (один из древнейших семитских языков). Этот язык он не знал, но несколько надписей запомнил, когда лазил туристом по музеям в XXI веке. Все надписи состояли из двух клинописных слов – «царь» и «звезда». Это единственное, что Дмитрию удалось вспомнить. Все-таки аккадский язык он не изучал никогда.

24

Традиционно считается, что волхвы поднесли Иисусу золото, ладан и смирну. Но ситуация с волхвами крайне запутана. Там точно невозможно сказать, даже сколько их было (от 3 до 12), а весь эпизод напоминает традиционную для средневековой литературы завуалированную цитату. В данном случае эпизод, связанный с царицей Савской, для придания особой значимости этим дарам. Те же дары, что в 1606 году хранились на Афоне, совершенно очевидно, были обретены не раньше XIII века. Потому что, по легенде, их сначала сохранила Мария – мать Иисуса, отдав в Иерусалимский храм, где они хранились до 400 года. Что соответствует периоду с по меньшей мере одним разграблением Иерусалима. С 400 года по XV век они хранились в Софийском соборе в Константинополе, а в самом начале XIII века город подчистую разграбили крестоносцы. Так что, скорее всего, «дары волхвов» были созданы после возвращения Константинополя под руку Византийских императоров – не раньше конца XIII века. И это было прекрасно известно практически всем серьезным церковным иерархам тех лет, да и вообще – образованным и интересующимся темой людям.

25

С композицией «Star Sky» можно ознакомиться здесь:
<https://www.youtube.com/watch?v=cWXZllwAoYY>

Системно-идеологическая самоизоляция (СИС) России тех лет базировалась на двух явлениях. Во-первых, борьба с любым образованием. Иерархи закономерно считали, что оно подорвет крепость веры. Поэтому до середины XVII века в России не было ни одного учебного заведения (не мастерской, а собственно учебного заведения). Даже духовных семинарий. Во-вторых, «Великий китайский файрвол» в исполнении церковных иерархов. Знания и технологии сортировались по источнику их зарождения и массового применения. И если они проистекали оттуда, где вера недостаточно чиста, их безжалостно отбрасывали, считая, что они могут помешать спасению души. Доходило до смешного, когда у магометан учиться было проще, чем у католиков. Не самая разумная стратегия для выживания...

Британская империя на 1913 год – 31,8 млн квадратных километров без учета антарктических территорий. Российская империя на 1914 год – 21,8 млн квадратных километров. В 1867 году Россия потеряла Аляску (1,717 млн квадратных километров), но это компенсировалось с лихвой присоединением в 1870-е годы Средней Азии.

Этому выражению она научилась у Дмитрия, который при близком общении прямо-таки сыпал анахронизмами.

Рубикон перейден – высказывание, означающее, что дороги назад больше нет. Сказал Гай Юлий Цезарь это, по легенде, когда перевел свои легионы через реку Рубикон, решив стать императором. Эта река была барьером, за который легионы не могли заходить без разрешения Сената.

30

Снег в ноябре был нормален в те годы, ведь на дворе был практически пик Малого Ледникового периода.

31

Павел V (1552–1621) стал 233-м Папой Римским, правил с 16 мая 1605 по 28 января 1621 года. В миру именовался Камилло Боргезе. По образованию и профессии был юристом, по характеру был строгим и непреклонным. Боролся с тезисами Коперника и Галилея о гелиоцентрической системе. Оказывал особую поддержку орденам капуцинов и иезуитов. Поддерживал миссионерские программы в Конго, Парагвае и Японии.

32

Троицким храмом назывался в те время храм Василия Блаженного.

33

Прозелитизм – стремление обратить других в свою веру, а также деятельность, направленная на достижение этой цели.

34

О военных реформах Ивана III – Ивана IV и их последствиях можно почитать в приложении.

35

Мельхиор – имя одного из волхвов (магов), что принесли дары Иисусу.

Купить: https://tellnovel.com/lancov_mihail/lzhedmitriy-novaya-zarya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)